

ДМИТРИЙ ОВСЯННИКОВ

обложка

ОСКОЛКИ КАМПО

Обложка. Юность. Фэнтези

Дмитрий Овсянников

Осколки Сампо

«Издательский Дом Мещерякова»

2017

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6-445

Овсянников Д. Н.

Осколки Сампо / Д. Н. Овсянников — «Издательский Дом Мещерякова», 2017 — (Обложка. Юность. Фэнтези)

ISBN 978-5-00108-999-5

Таинственная мельница Сампо нужна всем. Кому-то она приносит счастье, кому-то — богатство. Единственное, что непонятно — где она. То ли на дне моря, то ли в горах, а может, это всего лишь легенда? Путь к Сампо лежит через разгадывание загадок, которые скрывают руны финских племен. Но если один готов пройти этот путь, чтобы защитить мельницу, то другой намерен превратить ее в оружие. Рунопевец Антеро привык смотреть пристальнее и слушать внимательнее многих. Он из тех людей, которые не считают историю о Сампо выдумкой. В путь через все финские земли вместе с Антеро отправляются его племянник Тойво, веселый охотник Кауко и ворчливый кузнец Уно. Команде предстоит собрать осколки древнего знания воедино. Приключения в поисках Сампо начинаются.

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6-445

ISBN 978-5-00108-999-5

© Овсянников Д. Н., 2017
© Издательский Дом
Мещерякова, 2017

Содержание

Глава 1. На торге в Виипури	7
Глава 2. Большой дом Сувантолы	14
Глава 3. Путь на север	22
Глава 4. Шведы и норвежцы	30
Глава 5. Земли саво	36
Глава 6. Кауко Ахтинен	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дмитрий Овсянников

Осколки Сампо

© Д. Н. Овсянников, текст, 2023

© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2023

* * *

*Моим друзьям Захарову Олегу и Денисову Алексею, моей жене
Татьяне посвящается эта книга.*

*Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу, —
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово,
Чтоб пропеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.
«Калевала»*

Глава 1. На торге в Виипури

С незапамятных времён между землями викингов и землями венедов стояла деревня Виипури¹ – место оживлённое и многолюдное, особенно для Карелии и Ингрии, где никогда не было ни городов, ни князей с дружинами, а люди жили в небольших деревнях и на хуторах, далеко разбросанных по дремучим лесам, берегам рек и озёр.

Виипури расположилась на берегу залива и могла бы считаться городом, но постоянных жителей в ней было немногим больше, чем в любой карельской деревне. Другое дело – иноземные гости, купцы и путешественники, державшие путь в дальние страны, жители окрестностей, прочие люди со всех земель Калевы, идущие каждый по своим делам. Все они неизменно собирались в Виипури, и тогда изначально простая прибрежная деревушка становилась шумной, в считанные дни вырастая в несколько раз. У пристаней вдоль берега выстраивались морские ладьи и челноки поменьше, вокруг деревни, словно грибы после дождя, вырастали шатры, наполнялись людьми особые гостинные дома, построенные чуть в стороне, длинные и приземистые, с очагом посередине и отверстием дымохода прямо в крыше, похожие на дома викингов. Так бывало каждый год с весны до осени, когда северные ветры оставляли в покое Варяжское море и ненадолго ложились отдыхать в своё убежище, скрытое далеко на севере, за туманной Сариолой и землями Лаппи, в вечных льдах у подножия Мировой Горы.

Зимой Виипури словно засыпала под толстым покрывалом снега, весной же на берегу разворачивался торг. Карелы и саво приносили сюда пушнину, добытую зимой в своих лесах, по осени пригоняли скот, хозяева-ингры выставляли рыбу, мёд и соль, с северо-запада в Гардарики² шли суровые мореходы – руотси, даны и норья³, с ними могли встретиться здесь купцы-венеды из великого города на Волхове. Изредка прибывали люди из неведомой южной страны, называемой Линнулой – Страной птиц⁴, везущие диковинные заморские товары.

В один из весенних дней вскоре после начала торга в заливе Виипури показались разноцветные паруса, и вскоре стали видны идущие под ними корабли – длинные и низкие, со множеством вёсел, с рядами щитов, укреплённых вдоль каждого борта. Плавно и быстро двигались они к причалам, похожие на невиданных морских животных, привлекая всё больше и больше взглядов с берега – как любопытных, так и обеспокоенных.

– Руотси либо даны, – заговорили люди, – первый раз в этом году. Да много-то как сразу!

– Вот не было печали! – заворчали охотники-саво, только вчера пришедшие на торг. – Слетаются, разбойники, как вороны на добычу! – и заозирались по сторонам, готовясь защищаться, иные уже потянулись к лукам и копьям.

– То-то и видно, что вы, лесовики, здесь впервые! – улыбнулся в ответ степенный ингр из местных, оказавшийся рядом. Он как раз покупал у молодого саво связку куниц, и весть о прибытии чужеземцев нисколько не взволновала его. – Даны и руотси здесь – обычное дело. Ходят через нас торговать с венедомы, попутно торгуют с нами. Всем выгодно, всем спокойно – они хоть и вояки, только здесь-то разбойничать им ни к чему. Это же самих себя без припасов оставлять да землю жечь под собственными ногами, так-то!

– У них обычай есть, – поддержал его другой, постарше. – Когда в бой или в набег идут, ставят на носу ладьи этакую страшную деревянную морду – змея ли, зверюгу ли, птицу какую

---

¹ На месте современного Выборга. – *Здесь и далее – примечания автора.*

² «Страна городов», т. е. Русь.

³ В романе даются преимущественно финские либо приближенные к финским названия народов и стран. Руотси, даны и норья – шведы, датчане и норвежцы соответственно, венеды – словене, новгородцы.

⁴ В представлении древних карелов и финнов Линнула – собирательный образ всех южных стран, куда на зиму улетают птицы (от *финск.* linnut – «птицы»).

хищную. Без того им никак нельзя, удачи не будет. А купцы их без этих чудищ обходятся. Вот и сейчас у них ничего такого не видать. На моей памяти ни разу они Виипури не тревожили. А что щиты на кораблях – так это мы щиты по бортам ладей вешаем, когда на войну собираемся, а руотси и даны никогда их оттуда не снимают. Так что не бойтесь, не враги явились.

Корабли приблизились к берегу; на носу первого из них подняли белый щит – знак доброй воли.

* * *

В тот год весна пришла в Швецию рано, и все жители Бирки⁵ привычно потянулись к морю – излюбленной дороге людей севера, ведущей сразу во все стороны света, сулящей богатство и славу, наконец-то освобождённой от власти долгой зимы.

У пристаней целыми днями шумел народ; всё новые и новые суда уходили в плавание – там рыбаки вставали на тресковую тропу, там отправлялись в чужие края корабли купцов и корабли тех, чьим единственным товаром была война. Таких людей называли викингами и обыкновенно смотрели на них искоса, но тех, кто возвращался из-за моря с богатой добычей, встречали радушно. Викингов прославляли в песнях и сагах, а их собственные рассказы о дальних странах и заморских чудесах слушали затаив дыхание. Многие юноши не желали для себя иной доли, кроме доли викинга.

Особняком на пристани Бирки стояло пять драккаров, на редкость больших и крепко построенных. Сновавшие вокруг них люди поспешно нагружали их разным добром из длинных амбаров, стоявших неподалёку от берега. То не один и не несколько простых купцов собирались в путь – и драккары, и груз принадлежали конунгу шведскому Асмунду. Корабли снаряжались для похода в Гардарики, на торг в богатый город руссов Хольмгард⁶.

Сам Асмунд находился здесь же – в последний раз перед уходом своих кораблей осматривал их зорким глазом хозяина, отдавал последние распоряжения. Слава богам, сборы прошли быстро, и за сам путь можно было не беспокоиться – корабли предстояло вести двум приближённым конунга. Первый – родич и верный помощник Асмунда, ярл Торкель. Его величали Вороном в честь двух неизменных спутников верховного бога Одина – Торкель, подобно ворону, был прозорлив и сведущ во всём, о чём бы ни шла речь. Сопровождал его хэрсир⁷ – могучий великан Горм. Оба они шагали по берегу рядом с конунгом, завершая последние приготовления к походу.

Наконец корабли были готовы; можно было приказать отчаливать, когда Асмунд пригласил предводителей похода подняться на Стража Бирки – утёс, возвышавшийся над бухтой, служивший дозорной башней, – чтобы сказать им напутственное слово и вместе воззвать к милости морского бога Ньёрда, дарующего мореходам удачу. Втроём стояли они на вершине Стража, глядя на серую даль моря и маленькие, словно игрушечные, корабли внизу, когда конунг спросил:

– Известно ли вам что-либо о Гротти?

Торкель кивнул. Конунг, поймав вопросительный взгляд Горма, продолжал:

– В стародавние времена Один даровал конунгу датскому Фроди чудесную мельницу Гротти, которая сама молола любое добро, сколько ни пожелаешь. Фроди приставил к ней двух женщин-великанш и приказал им молоть золото, мир и благоденствие. То был золотой век данов. Позже из-за Гротти вспыхнула война – говорят, что великанши, устав работать без сна

---

⁵ Бирка – в IX–X вв. крупный торговый город в Швеции, столица шведских викингов.

⁶ Господин Великий Новгород.

⁷ В Скандинавии эпохи викингов – титул знатного человека, в первую очередь военачальника. В подчинении каждого ярла находилось по три-четыре хэрсира.

и отдыха, сами намолотили войско викингов на погибель Фроди и его королевству. Гротти была захвачена вместе с другой добычей...

– И с ней же сгинула в море, – закончил Торкель. – Мельница молола соль прямо на драккаре, не зная меры, пока не пустила его ко дну. Скальды поют, что и сейчас возвращаются неустоимые жернова на дне моря, делая его солёным.

– Старые сказки, – отмахнулся Горм. – Стоят ли они веры зрелых мужей?

– Дыма без огня не бывает, – возразил конунг. – Я уверен, что наши скальды перепевают на свой лад песни финнов⁸. В их землях о Гротти знают почти все.

– Сказкой больше, сказкой меньше, – упрямо ответил Горм.

– Для сказки слишком складно. И слишком часто упоминается в землях к востоку от нас, в краях финнов и Бьярманланде...⁹ – задумчиво проговорил конунг. – Ещё финны хвалятся, что Гротти изготовлена ими.

– Возможно и такое. Эти лешаки издревле славятся как чародеи и прорицатели. Но почему ты так уверен, что легенда о Гротти пришла к нам от финнов, а не наоборот?

– У нас о ней всего одна история. И известна она далеко не всем. У финнов же её пересказывают на разные лады едва ли не в каждом доме.

– Понятно. Только к чему мы говорим обо всём этом перед началом торгового похода в Гардарики, да ещё с глазу на глаз, как о великой тайне? Ты хочешь сказать, что...

– Истинно так, Торкель. В святилище Одина мне было видение о том, что чужеземные легенды не лгут. Ваш путь в Хольмгард протекает через страну финнов. Там вы узнаете о Гротти всё, что сможете узнать. Если мельница, дающая золото, существует, то кто бы её ни сделал – асы или йотуны, финны или словене, она должна принадлежать нам и служить могуществу сынов Одина.

– Тогда пускай мелет железо, – осканился Горм. – Железом мы сами возьмём столько золота, сколько захотим!

– Речь, достойная воина, – улыбнулся конунг. – Однако среди соседних народов есть такие, что не покоряются нашему железу, сколько его ни обрушивай на их головы. Чтобы в последний раз испытать их на прочность, у нас недостаточно воинов и драккаров, а чтобы приумножить всё это – недостаточно золота... Торкель, если встретите Гротти, добудьте её и доставьте сюда. Не сможете отнять – купите за любую цену. Если станут торговаться, не скупитесь... на железо.

– Тогда почему бы нам не снарядить туда военный поход? – спросил хэрсир.

– Я говорю о непростой добыче. Прежде чем что-то отнять, это что-то нужно найти. Беда в том, что мы слишком мало знаем о финнах, хотя и живём по соседству с ними. Не спугните их прежде времени – эта дичь слишком осторожная, а в ярости на редкость опасная. Потому держитесь с местными по-дружески. Торгуйте, угощайте, ведите беседы. Торкель мудр и красноречив, он сумеет разыскать хранилище Гротти, и тогда, слышишь, Горм, только тогда ты с дружиной сможешь взяться за оружие.

* * *

Пять драккаров один за другим причалили к пристаням Виипури, и гости-руотси сошли на берег. Взяв товары, привезённые с собой, они сразу же присоединились к торгу, обменивая китовый жир и кожи на свежие съестные припасы и пушнину.

---

⁸ Финнами скандинавы называли все финно-угорские племена, населявшие земли между Скандинавией и Русью, от Лапландии до Ингрии.

⁹ В легендах древних скандинавов Бьярманландом (Бьярмией, Бьярмой) называлась таинственная страна на северо-востоке, населённая колдунами-хранителями сокровищ. Предположительное место её расположения – бассейн Северной Двины.

Далеко было видно предводителя руотси, человека средних лет, важного, одетого в плащ из дорогой красной ткани, скреплённый фибулой на плече, синюю шерстяную рубаху до колен, мохнатую венедскую шапку и высокие сапоги. Купец не был похож на бешеных руотси, которыми пугали непослушных детей, – в холодных глазах на спокойном лице не было и тени ярости. В них вообще невозможно было прочесть что-либо. Гордая осанка и властная речь выдавали королевское происхождение гостя. Был он немалого роста даже по меркам руотси – выше любого из местных, косая сажень в плечах, но второй, следовавший за ним, был просто огромен, пугающе огромен. Издали казалось, что два человека идут бок о бок, а третьего несут, взвалив на плечи. Великан шёл, диковато озираясь по сторонам, изредка обмениваясь со своим товарищем парой-тройкой слов. Голос его был зычным и грубым, как у зверя, а плащ из медвежьей шкуры и бурые, как медвежий мех, волосы и бородища ещё больше усиливали это сходство.

– Ой, хийси!¹⁰ – Девочка-ингри прижалась к подолу матери, провожая чужеземца испуганными глазками.

Она не знала, что сами викинги за глаза прозвали своего военачальника Горма Полутроллем, и не только за рост. Ходили слухи, что мать Горма сошлась с троллем, забредшим в мир людей. Разговоры эти велись за спиной военачальника, всё больше шёпотом – желающих дразнить великана было немного.

На торге руотси держались миролюбиво и против своего обыкновения не были заносчивы, чем удивили даже издававших виды путешественников. Все, кто торговал с ними в тот день, остались довольными. Из разговоров с купцами стало известно, что они, по примеру большинства своих сородичей, направляются торговать с венедками, а в Виипури остановились, чтобы пополнить запасы и на следующий день держать путь на юг.

К вечеру многие люди собрались в одном из гостиных домов – поделиться новостями, потолковать о хозяйстве и мало ли о чём ещё – в те времена каждый род жил обособленно и нечасто виделся с соседями, а тем более – чужестранцами. Где, как не на торге, было узнавать, что делается в большом мире за пределами родной деревни!

Сюда же пришли руотси – предводитель купцов ярл Торкель, а следом за ним, загордив собой весь дверной проём, вошёл Горм – спутник ярла. К ним уже успели привыкнуть – учтивый ярл, неплохо говоривший на понятном здесь наречии хяме, быстро завоевал расположение местных жителей и самого старейшины Виипури – богатого ингра Киммонена. Гости из-за моря вызвали всё больше интереса и всё меньше опасений – даже от грозного Горма перестали испуганно шарахаться, тем более что он, похоже, во всём слушался Торкеля. К тому же руотси принесли с собой угощение для хозяев – большой бочонок тёмного пива, и вечер обещал удалиться на славу.

Неудивительно, что всё внимание было обращено к чужестранцам. Их засыпали вопросами про страну руотси, про жизнь за морем, спрашивали, нравится ли им Виипури.

– Место у вас тихое, спокойное, – договаривать ярлу пришлось под удивлённый гомон захмелевших ингров. – В сравнении с Хольмгардом, конечно. Но, что ни говори, торг достойный. Такие меха и руссам предложить не стыдно, да и царь ромеев в Миклагарде¹¹ от них бы не отказался.

– Что есть, то есть, – широко улыбнулся довольный Киммонен, сидевший во главе стола. Половину из сказанного старейшина не понял, поскольку мир дальше границ земли венедов

¹⁰ В карело-финской мифологии слово «хийси» – общее название духов, опасных для человека. Также Хийси – собственное имя некоего могущественного злого божества, которое можно сравнить с дьяволом. В более поздней традиции словом «хийси» стали обозначать лешего. В любом случае слово носит негативный оттенок и нередко употребляется в качестве бранного (напр., *Mita hiitä?* – «Какого лешего?»).

¹¹ Царьград.

представлял себе смутно, но он был явно польщён тем, что вверенную ему деревню хвалят иноземцы.

– Вам бы ещё железа сюда, а лучше – оружия, – рассуждал Торкель. – И, глядишь, вырос бы Выборг в большой торговый город.

– Куда хватил! Мы оружием не торгуем и с войной не забавляемся. Не надо нам этого, других забот хватает. И железа, и копий, и топоров у нас ровно столько, чтобы самим хватило.

– А всё же ножи финской работы знамениты в наших краях. – Руотси привстал, и все увидели, что на поясе его висит пуукко вроде тех, что носил каждый человек в землях Калевы. Ярл извлёк нож из кожаного чехла, показав простую рукоять из карельской берёзы и короткий, но мощный клинок – настоящий пуукко, только размером чуть больше обычного. – Я к тому говорю, что здешние мастера искусны.

– Дозволь посмотреть. – Деревенский кузнец принял нож из рук викинга, повертел в руке, попробовал лезвие пальцем. – Работа хяме. Надо же, могут, когда захотят, отковать ножик, – объявил он, возвращая пуукко владельцу.

Вокруг захохотали – ингры привыкли посмеиваться над медлительным соседним племенем. Торкель продолжил:

– Отчего же только ножик? Разве не здесь сработали чудесную ручную мельницу, дающую изобилие во всём, и даже в золоте?

– Вот ты о чём! – Киммонен уселся поудобнее, отхлебнул пива и приступил: – Есть такой сказ. Жили два соседа, богатый и бедный. Однажды под праздник бедный пошёл к богатому просить мяса в долг, а тот жадным был – дал соседу только коровье копыто да велел убираться с ним к лешему-хийси. Богач-то просто выбранился, да только бедняк и в самом деле к хийси на поклон пошёл. Отдал лешему копыто, а леший обрадовался подарку. Не пожелал хийси оставаться в долгу, серебро и золото предлагал он человеку, но хитроумный бедняк попросил только ручной жёрнов лешего. Он сам молот то, чего хозяин просил, а останавливался при слове «Довольно с меня». Жаль было хийси жёрнова, да делать нечего – пришлось отдать. Счастливо зажила с тех пор семья бедняка, а богач весь извёлся – завидовал удаче соседа. Вот как-то раз попросил богач одолжить жёрнов ему. Намолот себе полные амбары всяких припасов, да всё ему мало казалось. Вышел с жёрновом в море, решил соль молоть да там же рыбакам продавать. А слова-то заветные, чтоб жёрнов остановить, позабыл. И молот-молот жёрнов соль без конца, уж и лодка ко дну пошла, а он всё мелет. До сих пор мелет, оттого и море солёным сделалось. Так-то.

– Может, оно и так, – вступил в беседу лохматый, точно леший, саво, – да только не хийси жёрновом владел вначале, не хийси его сработал. Принёс людям чудесный жёрнов старый верный Вайнямёйнен, и звался тот жёрнов Сампо.

– Да нет же, не то вы рассказываете. – Старый ингр, до сих пор казавшийся спящим, вдруг подал голос. – То всё сказки да отголоски былого. Не простой был жёрнов. Доселе невиданным чудом было Сампо, выковал его вековечный кователь Ильмаринен.

Ярл слушал, стараясь уловить каждое слово. Его звероподобный товарищ заметно скучал и уже боролся со сном, зевая во весь рот и обнажая огромные, медведю на зависть, зубы.

– А где живёт прославленный кователь? – осторожно спросил викинг.

– Того не ведаю. – Старик снова погружался в дремоту. – Никто не ведаёт в нынешнем поколении...

– Так и есть, – согласно кивнул Киммонен. – О деяниях Вайнямёйнена и Ильмаринена в земле Калевы сложено немало рун¹². Быль то или небыль – кто знает... А ты, рунопевец, что скажешь об этом?

---

¹² Рунами карелы и финны называют эпические песни о героях – Вайнямёйнене, Ильмаринене и других. Из многих первоначально разрозненных рун состоит карело-финский эпос «Калевала».

Рунопевец Антеро, высокий рыжеволосый карел из Сувантолы¹³, сидел в стороне от беседующих. Он молчал и, казалось, думал о своём, но даже руотси удивились бы вниманию, с которым Антеро стал слушать, когда речь зашла о чудесном жёрнове хийси. Он словно весь обратился в слух, а его взгляд устремился куда-то вдаль, за порог гостинного дома, за околицу Виипури...

– Антеро?

– То и скажу, – проговорил рунопевец, – что вековечный кователь Ильмаринен – Сын воздуха, великий муж древних времён, первый кузнец этого мира. Он выковал небесный свод, не оставив на нём следов молота и клещей, выковал чудесное Сампо, заключил в сундук саму Смерть, на триста лет избавив от неё людские земли. То дела минувшие, ныне Ильмаринен покинул этот мир.

Великан-руотси снова зевнул. Разговор о таинственных жерновах никто не продолжал, и он прекратился сам собой, – карелы, саво и ингры снова заговорили о делах житейских – посевах, ловле рыбы и выпасе скота.

Вскоре гости начали расходиться. Хозяева предложили купцам-руотси заночевать в гостинном доме, но те пожелали вернуться к своим кораблям и, поблагодарив, направились к выходу. За ними последовало ещё человек десять, собрался и Антеро. В сгущающихся сумерках люди шли по тропинке от гостинного дома к заливу, расходясь на развилках, ведущих к тому или иному становищу.

Руотси заговорили между собой на своём языке, похоже было, что затеяли спор. Говорили они громко, но никто не обращал на это особого внимания, тем более что язык руотси ни карелы, ни ингры не понимали. Антеро, один из немногих, кто владел этим грубо звучащим наречием, тоже пропустил бы чужой разговор мимо ушей, но кое-что в речи ярла заставило его прислушаться.

– Снова да об одном, – гремел звероватый. – Боги, Гротти, тролли! Слышать не желаю, надоело! По мне, женщины, пушнина и золото – добыча более завидная, чем какое-то Сампо, или Сеппо¹⁴, или тьфу, как там, разбери его тролли! Вот чего следует искать викингу в чужих краях!

– Не забыл ли ты, Горм, что мы пришли сюда не грабить деревни? Сегодня наша добыча – знания, которых у нас не было раньше, и добывать их здесь лучше добрым словом и даровым пивом, чем угрозой или пытками.

– Зря это.

– Что зря?

– Зря мы раскланиваемся с этими трэями¹⁵. Зря тратим на них лучшее пиво конунга. Лучше бы дружинников угостили, они который день гребут без отдыха!

– Им хватит, обещаю. Только не сейчас – до Гардарики путь неблизкий. Отдохнут ещё. Меньше от пива пользы бывает, чем думают многие. Хуже нельзя в путь запастись, чем пивом опиться, – нараспев произнёс Торкель и продолжил: – Здесь пиво сильнее огня и меча, особенно даром. Эти люди молчаливы и недоверчивы с чужими, но ты сам видел, как пиво развязывает им языки.

– Что меч, что огонь развяжут не хуже! Враз укажут, где их тролль жёрнов спрятал!

– Тише, друг мой! – понизил голос Торкель. – Тут что ни житель, то тролль! Мечей у них немного, но стрелы ядовитые. Или ты думаешь, что мы сами сможем грести на всех

---

¹³ Область вокруг озера Сувантоярви (современное озеро Суходольское в Ленинградской области).

¹⁴ Плохо зная финский язык, Горм просто запутался в незнакомых словах. Финское слово *серро* означает «кузнец» и к легендарному Ильмаринену может применяться в качестве имени собственного, как к первому кузнецу на свете.

¹⁵ Рабы.

драккарах сразу, когда от ран сляжет половина дружины? Не забывай также о вредоносных финских чарах.

– Один защитит нас. – В голосе зверя впервые прозвучала неуверенность.

– Здесь не его земля, – нахмурился Торкель, – пока не его.

Викинги умолкли и повернули к своим ладьям. Удаляясь, Антеро слышал, как ярл заговорил снова:

– Видишь ли, мой друг, мы ещё не знаем, что именно искать, где оно находится, что за сила стоит на страже. Пока мы не увидим это сокровище воочию, мы не должны тревожить финнов. Придержи ярость, Горм, ибо её час ещё не настал.

Карел встревожился. Он не понаслышке знал нравы и обычаи викингов. Свирепые воины, дерзкие разбойники, служители сонма богов, таких же яростных, как они сами. Гордые и надменные со всеми, кто явно не превосходит их силой.

Нет, неспроста руотси так приветливы и учтивы... Неспроста. Неужели разведчики? Тогда скоро ли ждать набега? Торг в Виипури был бы для них самой лёгкой и богатой добычей в этих краях. Её можно взять прямо сейчас, наскоком, безо всяких хитростей. Но викинги ведут себя мирно, значит, им нужно что-то другое. Что же? О чём спрашивал ярл? Жёрнов хийси... Волшебная мельница... Сампо... Сампо? Викинги охотятся за сокровищем из древних рун «Калевалы»? Брось, Антти, ты опять насочинял себе сказок.

Когда Антеро вернулся к биваку своих сородичей, он застал их спящими. Только пожилой охотник Кари, карауливший неподалёку от костра, сонно поднял голову ему навстречу да радостно завертелась у ног, почуяв своего, мохнатая лайка Талви. Костёр тихо потрескивал, посылая искры в ночное небо.

Антеро отыскал сырой рябиновый прут, присел у костра и положил прут в огонь. Затем вынул и пристально всмотрелся в закипевшую влагу, попробовал на язык. Чужеземцы пришли с миром? Так и есть, на рябине выступила вода. Но вода эта имела отчётливый горький привкус¹⁶.

---

¹⁶ Поверья многих народов приписывают рябине волшебные свойства. В «Калевале» описано старинное гадание – при приближении чужаков в огонь кладётся рябиновый прут или веник. Если незнакомцы идут с миром, на рябине выступает вода, если с войной – кровь.

Глава 2. Большой дом Сувантолы

Первые лучи солнца ещё не успели коснуться спокойной глади озера – они только-только показались над верхушками соснового бора, заблестели на редких косматых облачках в небе. Над Сувантолой занималось весеннее утро – погожее, ясное, удивительно тихое.

Почти полгода безраздельно властвует в Карьяле зима. Только южный ветер-хвоедёр может прогнать её на север. Силён тот ветер, и не знает меры его могущество. Где мчит он над озёрами и реками, там с грохотом лопается лёд, где ревёт он над бором, там гудят-стонут старые сосны, которые не всякий топор осилит. Срывает ветер хвою, за что и прозван хвоедёром, иной год и сами деревья с корнем из земли выворачивает.

Не выдерживает зима такого напора, отступает до поры до времени. Потому и любят люди южный ветер, и не ропщут на его подчас разрушительную силу. Уже отбушевал ветер, и пробудилась после зимнего сна земля Карьялы.

В небольшой ложбинке между двух холмов паслось стадо коз, принадлежащее роду Сувантолы. На гребне холма стоял и пастух – высокий худой паренёк лет пятнадцати, широколицый, голубоглазый и светловолосый, как и все карелы. Пастух был одет в серые холщовые одежды, шерстяную куртку, с лаптями на ногах, котомкой за плечами и посохом в руке. Звали пастуха Тойво, и был он младшим сыном сувантольского старейшины Кауралайнена.

С вершины холма Тойво привычно оглядывал округу – вот поросшие соснами склоны холмов, за холмами сосны стояли ещё гуще, становясь тёмным бором, а если взбежать на соседний холм, то вдаль за соснами виднелось Сувантоярви и бурная, полноводная Вуокса. Внизу паслись козы, серые и лохматые, будто клочки облаков в небе.

Тойво повернулся к лесу, к тому месту, где в прошлом году бурей повалило высоченную сосну. Ствол дерева люди давно увезли, но огромный, чуть ниже человеческого роста, пень-выворотень так и остался торчать из песчаной земли, протягивая к небу узловатые корни. Издали, особенно в сумерках, могло показаться, что дикий лесной житель вышел на опушку и остался стеречь границу бора. Возле выворотня пастух остановился и вынул из котомки горбушку серого хлеба и варёное яйцо, разложил их между корней и громко произнёс, обращаясь к лесу:

– Тапио, Хозяин леса, Миэллики, Лесная мать! Оградите стадо наше от пропажи и болезни, от тропы лесной недоброй, от звериной хищной пасти, от всякого лиха! Примите дары мои и низкий поклон! – С этими словами Тойво снял шапку и почтительно поклонился в сторону леса, чуть постоял и направился обратно к стаду.

Сам Тойво никогда не видел ни лесного бога Тапио, ни его жены Миэллики, ни кого-то ещё из народа лесов, но искренне верил, что сами Хозяева леса прекрасно видят и слышат его, примут подарки и не оставят в своих владениях без помощи.

Живёт Тапио со своей хозяйкой Миэлики в самой чаще леса, в высоком тереме с золочёной кровлей. Много детей у лесных хозяев, и всё, что есть в лесу, им известно и послушно. Тапио добр к людям, что уважают лесное царство, и всякий, идущий в лес, будь то пастух или охотник, дровосек или грибник, взывает к милости лесного Хозяина, старается снискать его дружбу.

Нет пастуху лучшего подспорья, чем дружба с Тапио. Уж если договорился с Хозяином леса, то можно не тревожиться – будет скот сыт и здоров, и не пропадёт за год в лесу ни одна животинка. Бывает, что пастуху всего и заботы остаётся, что выгнать стадо поутру да загнать на ночь. Только не обижай скотину, ни бить, ни ругать не смей – пожалеет её Тапио, да себе и заберёт – не сыщешь её тогда и назад не выпросишь. Тойво и не ругал – он любил животных и умел ладить с ними. Правда, с Хозяином леса ещё договориться надо уметь, и за всё лето ни разу не прогневить его, не нарушить договора – то целая наука.

Конечно, Тойво не был настоящим пастухом, в той части, что пастушьим колдовством как следует не занимался. У взрослого пастуха-колдуна своя жизнь, особая, он только половинкой души дома, среди людей, а второй – всегда в лесу, в доме Тапио.

Пастух и видом на лешего похож, особенно по осени, потому что в пастбищную пору ни волос, ни бороды стричь нельзя – с тем сила колдовская теряется. У него и счёт с лесным царством свой – ни дрова рубить, ни ветки ломать, ни лыко драть Тапио пастуху не велит. Нельзя пастуху и охотиться, и даже грибы-ягоды собирать, разве что другие люди угощать станут.

Среди людей пастух как чужой – руки при встрече не подаёт, не борется, в баню и то один ходит. И одежда, и посуда у него своя, а дудку пастушью и посох заговорённый тронуть не могли – к ним сам Тапио руку приложил, для одного только человека трудился, которому берегами владеть. С женщинами пастух тоже не знается, по крайней мере, с весны до осени. Нелёгкая жизнь у товарищей Тапио, однако уважение им люди оказывают немалое, и лес им благоволит.

Нет, жизнь Тойво была обычной – сложных заговоров он не творил, работал и жил бок о бок с сородичами, случалось, донашивал одежды старших братьев, из которых те выросли. Посох его был самым простым, дудки парень не имел вовсе, и пас он всего лишь коз, а не коров и не лошадей. Да и, признаться честно, не хотел бы Тойво заниматься пастушеством всю жизнь. У этого на вид простого карельского паренька было одно необычное свойство – память, крепче всего державшая сказки и легенды.

Эти вещи Тойво готов был запоминать без счёта. Конечно, в землях Карьялы такого добра хоть отбавляй, и оно известно каждому с детства, но по мере взросления люди оставляли сказки, всё больше уходя в дела насущные – тут не до сказок, когда для рода трудиться надо. Пускай их старики сохраняют, да ведуны с рунопевцами детям рассказывают. А Тойво хоть и был уже не ребёнок и рос наравне со сверстниками, а со сказкой не мог расстаться ни в какую, слушать любил и сам рассказывал охотно, а верил в сказки сильнее, чем все старшие сородичи. Да и как тут не верить, когда сказка вокруг тебя? Когда в лесу за околлицей – владения Тапио и Миэлликки, в озере – водяной-ветихинен, и ещё много духов-хозяев и хранителей разных стихий?

Потому и говорил Тойво о разных чудесах чаще прочих, потому и мечтал сам попасть в руну о делах древних и своими глазами увидеть богов, героев и чудищ. Потому и посмеивалась над Тойво родня, считая его любовь к сказкам за странность. Смеялись, правда, беззлобно, но прозвищем Оутойнен¹⁷ наградили. Тойво не обижался. В конце концов, его собственное имя означало надежду¹⁸, а надежда – из тех чувств, которые тоже можно назвать странными.

Стоило ли обижаться, если таков был уклад жизни в доме Сувантолы, да что Сувантолы – любого хутора или деревни во всей Карьяле: большое семейство жило под одной крышей либо в нескольких домах рядом, люди всех возрастов вместе – старики, родители, их братья и сёстры, не успевшие обзавестись своей семьёй, многочисленные дети, опять же – разного возраста. Власть принадлежала старейшине – ижандо¹⁹, старшему сыну рода. Старик отец передавал ему бразды правления, когда считал нужным, после чего сам уже не правил, но жил, сохраняя прежние почёт и уважение.

В обиду свои не дадут, в беде не бросят, но и не скроешь от них ничего. Даже если захочешь скрыть. Дай повод – обсудят каждый твой шаг. «Куда собрался, Оутойнен? Опять к лешему в гости? Ты ж, поди, уже надоел ему хуже горькой редьки!» И попробуй объясни тогда старшим, что просто пошёл в лес за хворостом. А уж если угораздило родиться младшим

¹⁷ Станный, чудной (от *финск.* outo – «странный»).

¹⁸ Распространённое у карелов и финнов мужское имя Тойво переводится как «надежда».

¹⁹ Карельское *ijanda*, финское *isäntä* – «хозяин» (в женском роде – «*emäntä*»). Так могли величать старейшину рода в древней Карелии и Финляндии.

– считай, до старости останешься для своих ребёнком. Будут опекать и заботиться, не думая о том, надо это тебе или нет. «Тойво, надень шерстяное! Тойво, иди домой, поздно!» И так постоянно.

До того, чтобы самому сделаться старейшиной, просто не доживёшь. Не нравится – держай, отделийся. Найди подходящее место в ничейном лесу, приготовь подсеку для будущей пашни, заведи скот, построй новый дом, только побольше – ни одна женщина за тобой в землянку идти не согласится. Но поспешай – лето в северных краях недолгое, а зимой как следует не обустроишься.

Правда, Тойво в своих странностях был не одинок. Он дружил с рунопевцем Антеро, своим родным дядей по отцовской линии. Антеро так же, как Тойво, был младшим сыном предыдущего старейшины, так же считался чудаком – любил поболтать и посмеяться, знал множество сказок, рун и легенд, умело играл на кантеле²⁰. Много времени Антеро проводил в лесах и на болотах с ведуним Вироканнасом, и тот не возражал, притом что считал уединение великим благом. Поговаривали, что старый ведун понемногу передавал младшему родичу своё искусство. Но сам Вироканнас об этом молчал, его мысли оставались тайной для всех, и односельчане поглядывали на Антеро с усмешкой, хотя и любили его весёлые песни на праздниках.

В самом деле, мужчина тридцати лет, крепкий и здоровый, в прошлом путешествовавший по Варяжскому морю и в земли венедов, Антеро так и не завёл ни своего дома, ни своей семьи. Уже ушёл и поселился на другом берегу Сувантоярви средний брат, Урхо, но Антеро, возвратившись из странствий, по-прежнему жил в родительском доме вместе с семьёй своего старшего брата Кауралайнена, к тому времени ставшего старейшиной рода. Казалось, что Антеро (или Антти, как звали его по-родственному) и не думает жениться – на вопросы об этом он только смеялся да отпускал прибаутки.

Тойво знал, что под весельем Антеро таилась старая боль, загнанная им в самый глухой закоулок души и надёжно скрытая. Долгими осенними и зимними вечерами рвалась та боль наружу, прорастала сквозь память, застилая и без того тёмные небеса. В такие часы Антеро становился угрюмым и молчаливым, пропадал в укромных местах, где никто не тревожил его расспросами. Там он подолгу сживал в одиночестве, и кантеле, верный друг и помощник рунопевца, плакало в его руках, но чаще издавало какие-то нестройные звуки.

Дней семь назад Антеро в числе ещё нескольких мужчин из рода Сувантолы ушёл на торг в Виипури, чтобы продать часть мехов, добытых зимой, и запастись у прибрежных ингров солью и вяленой морской рыбой. От Виипури до Сувантолы не так уж далеко – всего пара дней пути, но Тойво селение ингров казалось далёким и загадочным, потому что самому ему никогда не приходилось уходить так далеко от дома. Нет, приходилось, конечно, – на охоту или на рыбную ловлю со старшими, но то всё в леса да на озёра, а так чтобы к соседнему народу – ни разу. И хоть селение Сувантолы немалой величины – одних только жилых домов целых три, но в Виипури, говорят, домов в разы больше, а людей за день не перечесть, да ещё иноземцев столько! Вот бы отправиться в Виипури вместе с Антеро, а лучше – ещё дальше, за озёра и море! «А коз кто пасти будет? – тут же спросил изнутри кто-то строгий, очень похожий на отца. – А по хозяйству мне кто поможет? Давай все за море уйдём, а дом без нас как-нибудь выстоит!»

Да, с этим не поспорить. Работы по хозяйству дома хватит на всех, и ещё останется – и скот пасти, и хлеб растить, и рыбу ловить, и по дому... А всё-таки безумно хочется увидеть мир за пределами родного селения!

День подходил к концу, и Тойво гнал стадо домой по тропинке вдоль берега озера. Вот уже показалась знакомая развилка тропы – справа за деревьями виднеется частокол селения, слева – пристань, где хранятся лодки. И сейчас от пристани навстречу Тойво шло несколько

²⁰ Карело-финский музыкальный инструмент, похожий на гусли. Под аккомпанемент кантеле исполнялись руны.

человек – тех самых, что недавно уезжали в Виипури. Они только что вернулись и сейчас несли к селению припасы, купленные на торге.

– Кто вы, путники, и что привело вас к причалам Сувантолы? – зычно спросил Тойво, в шутку подражая героям рун.

– Опять Оутойнен балуется, – проворчал пожилой Кари. – Всё никак не повзрослеет!

– Всё бы тебе ворчать, дружище, – улыбнулся Антеро и так же зычно ответил: – Идём с делами благими! Домой, значит, возвращаемся из Виипури! Здравствуй, Тойво!

– Доброго вам вечера, сородичи! Здравствуй, дядя Антти! – Тойво улыбался до ушей. Он был несказанно рад видеть своего друга. – Как прошла дорога? Что нового в Ингрии?

– А о чём бы ты хотел услышать, Тойво?

– Обо всём, конечно!

– Помилосердствуй! – рассмеялся Антеро. – Если стану рассказывать обо всём прямо здесь, мы и к утру до дома не дойдём, ты меня знаешь! Ещё будет время, тогда и расскажу про всё как следует! Другой раз возьму тебя с собой, если отец твой разрешит, тогда сам всё увидишь. Да скажи мне, где он, наш ижандо, есть? Мне бы видеть его.

– Да вроде дома должен быть. – Тойво махнул рукой в сторону частокола. – Пойдёмте, я тоже домой возвращаюсь.

Селение стояло на холме недалеко от берега озера – три жилых дома, несколько амбаров и хозяйственных построек, новая баня, просторная, способная вместить сразу многих. Всё это окружал высокий частокол с мощными воротами, чтобы ни лихие люди, ни дикие звери не могли потревожить жизнь хозяев. В каждом из домов было по два этажа: внизу – хозяйственный двор: стояла для скота и мастерские, здесь же в сухом месте под потолком хранили сено, наверху – жильё хозяев. Всё было устроено для того, чтобы в непогожую пору как можно реже выходить на улицу.

Окна и крыши домов украшали резные доски с узорами солнца – нечастого, но самого желанного гостя на северных небесах, а срубы построек опирались на камни-валуны с берега озера. Выше прочих стоял дом ижандо – самый большой, старший в селении. Видно было, что к нему, как ко всему подворью, приложили руку заботливые люди – предки Кауралайнена строили на совесть.

Под стать предкам был и сам старейшина – домовитый, крепкий хозяин. Десять лет назад возглавил Кауралайнен род Сувантолы и с тех пор трудился не покладая рук, с первых лет снискав уважение сородичей. Под его началом селение росло и крепло, рядом с жилым домом выросло ещё два новых, дремучие леса уступили людям немало места для пашен, двор заново обнесли частоколом выше и прочнее старого. Род умножился и богател, а ещё недавно маленький лесной хутор уже обещал стать деревней, дело за малым – вести о славной жизни в Сувантоле разойдутся по окрестностям, люди пожелают присоединиться, построят новые дома, распадут земли и нарожают детей. Тогда можно будет сказать, что не напрасно старался Кауралайнен, и ещё долго будут ставить его в пример подрастающему поколению. А посему – вперёд, старина, за работу! Расслаживаться некогда.

Была у усердия старейшины и оборотная сторона, незаметная в дни его молодости. Заботы ли тому виной, почтенный возраст или собственный нрав, сказать нельзя, но со временем Кауралайнен сделался властным и невероятно упрямым. Он часто ворчал и хмурился, даже если не было на это видимых причин, а уж если случалось Кауралайнену заупрямиться, то переубедить его было не под силу никому, даже если старейшина был неправ. Приходилось ждать, пока он сам придёт к верному решению, а это могло случиться нескоро. Единственным человеком, с которым Кауралайнен не спорил никогда, был местный ведун Вироканнас – добродушный и скромный старец, живущий уединённо и почитаемый всеми жителями Сувантолы.

Антеро застал своего старшего брата за работой – Кауралайнен колот дрова возле бани. Наступающий вечер принёс прохладный ветерок с озера, но плотную куртку старейшина сбро-

сил, оставшись в одной рубаше, закатав рукава по локоть – ему было жарко. Часто стучал тяжёлый топор, трещали, разваливаясь под ударами, поленья. Ижандо работал молча, лишь изредка бормотал что-то себе под нос.

– Приветствую тебя, брат!

Кауралайнен поднял голову и улыбнулся – неувовимо, одними глазами да кончиками густых усов.

– Антти? Здравствуй, дорогой, рад видеть тебя! Что расскажешь нового? Какие вести из Виипури?

– Торг, купцы, гости – всё как обычно. Только тревожно мне. Станных руотси видел этот раз.

– Что такое?

– Станные. Они обычно другие – спесивые, по-нашему говорят еле-еле, смотрят свысока, торгуются до последнего. И чуть что – готовы схватиться за оружие. А эти точно сваты какие – приветливые, учтивые. Покупают много и не спорят о цене, даже подарки и угощение для местных припасли.

– Так купцы ведь, им любезными быть лучше всего. Устал ты, Антти, с дороги, вот и тревожишься. Тебе бы в баньку да выспаться как следует.

– В баньку – это верно, да прежде поговорить с тобой надо о делах важных. Лучше – вместе с Вироканнасом. Он в селении?

– Куда там! Как снег сошёл – старик опять по лесу блукает. Пойдём, поищем. – С этими словами Кауралайнен поставил топор к чурбаку для колки дров и накинуд куртку.

Они направились к лесу, что темнел за воротами – два брата, одновременно похожих и непохожих друг на друга. Тяжёлой поступью шагал Кауралайнен – старший сын в семье, человек могучий и кряжистый как старый дуб. Большие мозолистые руки были твёрдыми как камень, а глубоко посаженные синие глаза смотрели из-под косматых рыжих бровей пристально и строго.

Антеро был младше своего брата на двенадцать лет и рядом с ним казался совсем юным – несколько выше ростом, но не так широк в плечах, с открытым лицом, небольшой окладистой бородой и едва заметными усами. Взгляд таких же синих, как у брата, глаз был спокоен и задумчив. Несмотря на усталость, Антеро шёл лёгкой походкой, поминутно замедляя шаг, чтобы старший сородич попевал за ним.

– Так чем тебя удивили те руотси? – спросил старейшина.

– Разговоры они вели необычные, – ответил Антеро. – Вожак их, по всему видно, с хяме дружбу водит и говорит на их языке чисто. Всё расспрашивал в Виипури, нет ли в наших краях жёрнова, что мелет золото. Весь вечер сказки и руны про это слушал. Я подумал, руотси решили раздобыть Сампо. И теперь мысли о Сампо не дают мне покоя.

– Сампо? – весело переспросил Кауралайнен. – Как там... В первый день муки намелет, в день второй намелет соли, а на третий – много денег? Мелет меру на потребу, а вторую – для запасов, третью меру для пирушки? Ох уж эти мне руотси! Ох уж сказочники! Сложи про них потешную руну да спой на ближайший праздник, повесели народ!

Антеро промолчал. Видно было, что он не разделяет веселья брата.

Ведун Вироканнас был едва ли не самым старым человеком во всей Сувантоле. Никто не мог сказать точно, сколько ему лет – знали только, что Вироканнас пришёл на берега Сувантоярви одним из первых карелов, положивших начало нынешнему селению. У ведуна просили совета, лечили недуги, искали защиты от злых духов, и Вироканнас никому не отказывал в помощи. Как и всякий ведун или чародей, он пользовался всеобщим уважением, однако не был ни гордым, ни тщеславным – наоборот, старика отличал тихий и кроткий нрав. Он не желал власти, не стремился подчинять себе других и обычно был неразговорчив, но тем выше цени-

лось каждое его слово – спокойное, доброе, но способное мгновенно погасить самый жаркий спор. И не было ни разу, чтобы ведун обратил своё искусство во вред людям.

Вироканнас жил в селении лишь зимой и осенью – как только становилось теплее, ведун переселялся в лес, в свою особую маленькую избушку. Часто случалось Вироканнасу уходить совсем далеко – там он строил себе нехитрые шалаши, а то и вовсе ночевал под открытым небом.

Избушка ведуна стояла на небольшом пригорке недалеко от селения, однако увидеть её можно было, лишь подойдя вплотную – так надёжно скрывал её от чужих глаз густой ельник на склонах. Сам ведун – невысокий старик с белой всклокоченной бородой во всю грудь и длинными, изрядно поредевшими волосами сидел на обрубке бревна у входа и сосредоточенно толкал что-то в небольшой ступке. Бурая сосновая хвоя и прошлогодние берёзовые листья густо облепили поношенный кафтан ведуна и даже застряли в бороде.

– Доброго вечера тебе, Вироканнас! – окликнул старца Кауралайнен. – Прости, что беспокоим!

– Ижандо и Антти! Здравствуйте, здравствуйте! – Ведун поднялся навстречу гостям. – Проходите в дом, ребята! Что расскажете нового?

– Пусть рассказывает младший, – отвечал старейшина. – Видел он что-то эдакое, теперь тревожится.

Все трое прошли в избушку. Вироканнас указал братьям на низенькую скамью, а сам уселся на старую попону поверх вороха еловых лап, служивших ему постелью. Над очагом закипал котелок, из-под потолка густой бородой свисали пучки сушёных трав, наполняя жилище ведуна приятным запахом.

– Ну, Антти, рассказывай.

– Я только что вернулся из Ингрии. В Виипури мне встретились руотси, что на пяти ладьях шли торговать с венедами и на торге держались на редкость дружелюбно. Даже пировали с местными, чего раньше не бывало, и всё о чудесных жерновах расспрашивали. А ещё шли они к венедам из Бирки, а попали в Виипури, то есть слишком на север забрались, в знакомом-то море. Я тогда и понял, что им нужна волшебная мельница Сампо. Руотси её ищут.

– И пусть ищут. – Кауралайнен привычно нахмурился. – Говорят: меньше знаешь – крепче спишь. А я бы сказал: меньше знаешь – больше выдумываешь глупых сказок. Для руотси и венедов мы сплошь колдуны и прорицатели, далеко на юге рассказывают, что у нас по одной ноге на брата и что зимой мы спим, как медведи, в берлогах под снегом! Что тебе за дело, брат, до небылиц? Хотя ты-то без небылиц как без рук...

– Они с инграми по-доброму, – продолжал Антеро. – А между собой лихое говорили, да всё больше намёками, просто так не понять. Я положил в огонь рябиновый прут...

– Кровь? – встревожился Вироканнас.

– Вода. Только горькая очень.

– Чудак, ты другой раз чесноком заедай! – усмехнулся старейшина. – Рябина – она обыкновенно горькая!

– Как знать, друзья. – Ведун, разглаживая бороду, смотрел в очаг, где шипел и трещал, исходя влагой, сырой хворост. – Как знать... Я вам честно скажу, что сам ни разу не видел, чтобы из рябины выступала кровь. Рассказывают, что так бывало у великих чародеев прошлого, а самому мне перед боем гадать не приходилось. Да и не было в том нужды, не было сомнений, когда шли на нас с мечами в открытую. Горькая вода, значит? Не угроза ли в будущем?

– Вот и я о том же. Руотси хотят от Сампо золота, и побольше. А оно им для одного нужно – для войны да разбоя.

– Удивил! – фыркнул Кауралайнен. – У них сроду ничего другого и в мыслях нет. Сами же себя «виикинки» называют, разбойниками, значит, да ещё гордятся этим. Только с чего нам

разбойников бояться? Ограда высокая, люди сильные, луков и стрел у нас вдоволь, топоров тоже. Случись война – отобьёмся.

– Если придёт сразу много, не отобьёмся. Ведь викинги – не только руотси, ещё норья и даны, и саксы, пожалуй, от них не отстанут, если викингам достанется Сампо. Их рати станут неисчислимыми. Но народов Калевы не меньше. Собрать их вместе, заключить союз – и тогда можно не опасаться нашествия. У венедов так.

– Наши не соберутся, – отрезал ижандо. – У нас не то что племена – каждая семья старается обособиться, чтобы подальше друг от друга. Да и почему руотси вдруг должны умножиться? Неужто от Сампо, которого нет и не было?

– Было, брат. Руны не для детских забав сложили. И окажись Сампо здесь – оно сплотило бы вокруг себя все народы Калевы – карелов, вепсов, саво, ижор...

– Они бы передрались за сокровище между собой.

– Нет. Щедрот Сампо хватило бы на всех.

– Да ты где же собрался его искать, ответь, Антти? Я тебе вот что скажу – делать тебе, братец, нечего. Займись чем полезным – и не до сказок станет.

– Ты меня бездельником не чести. Я не хуже прочих на пашне и на подсеке, в лесу и в лодке.

– Только в сказки веришь.

– Что в том худого? Я тебе вот что скажу – глядеть бы людям чуть повыше! Только о еде вся забота, как у зверей лесных!

– А как бы мы жили, рунопевец, не будь у нас хозяйства? Летом – на подножном корме, а зимой – в берлогу, спать, чтобы не так голодно? Вот это были бы звери! А мы оттого и люди, что не ленимся ради лучшего!

– Хозяйство нужно, не спорю. Только есть в этом мире тайны и загадки важнее нашего амбара. Разгадать их – сколько пользы людям!

– Мудр не по годам!

– Ребята, мне выйти? – ласково спросил Вироканнас.

Голос старца звучал негромко, взгляд был добрым и чуть усталым. Ведун не проявил ни угрозы, ни раздражения – так дедушка мог бы уговорить расшумевшихся не ко времени внучат, – и двое мужчин, только что горячо споривших, разом притихли. Братья смотрели на ведуна, ожидая его слова, и в этот миг в самом деле были похожи на детей.

– Дело непростое, – заговорил Вироканнас, выдержав паузу. – Я сам не раз думал о Сампо, но, сколько ни живу на свете, никогда не слышал о нём всего того, что нужно знать человеку о вещи. О Сампо в землях Калевы знают все – и как следует не знает никто. Все сходятся в том, что Сампо несёт изобилие и счастье своим обладателям; в наших рунах Сампо называют жёрновом, волшебной мельницей, а другие племена изображают это чудо иначе. Похоже, что некогда единое знание по какой-то неведомой причине оказалось раздробленным и осело понемногу у каждого народа. Владеет ли кто-нибудь целым знанием, я не ведаю. – Ведун закрыл глаза, ненадолго умолк и продолжил: – Не ведаю также, было ли Сампо на самом деле. У тебя, Антеро, есть вера в Сампо – это уже немало, и тебе решать, как поступать с этой верой. Ты можешь жить, как прежде, в своем доме, ожидая вестей извне, но тогда не взыщи, если за целую жизнь не дождёшься того, о чём хотел услышать. Под лежащий камень вода не течёт.

Братья молча переглянулись.

– Другими словами, ты предлагаешь Антеро идти по всей земле Калевы, расспрашивая встречные народы, в поисках Сампо? – спросил старейшина.

– Не предлагаю. Просто рассуждаю вслух, – ответил Вироканнас. – Из рассказа Антеро я понял, что именно поиском занялись руотси, встреченные им в Виипури. Антти прав – добра от этого народа нам ждать не придётся, ибо превыше всех занятий руотси ценят разбойную

войну. Сейчас они мирные, но зачем-то ищут Сампо, а кто ищет – тот всегда находит... Но что бы ни было на уме у руотси, они здесь чужие, а мы у себя дома. С нами наши боги, с нами Мать-Земля, и пока это так, а не иначе, мы сильнее руотси в любых поисках, стоит только начать их.

– Значит, стоит начать. – Антеро поднялся со скамьи. – Благодарю за совет, почтенный Вироканнас.

– Благодарю, – коротко поклонился Кауралайнен.

Братья попрощались с ведуном и поспешили к селению. Солнце уже спряталось за вер-хушками сосен; его последние лучи ещё освещали небосвод, когда лес погрузился в сумерки.

– Я не сомневаюсь более. Вироканнас зря говорить не станет, – сказал Антеро, обращаясь сам к себе.

– Так бы сразу и сказал, что снова решил пойти странствовать, – с облегчением отозвался Кауралайнен. – Что ж, добро. Хотя, по мне, остался бы лучше дома да семью завёл.

– Ты забыл, брат, почему я один? – внезапно глухим голосом спросил Антеро.

– Прости... – сразу отступил старейшина. – Только не возьми я в толк, куда ты идти собрался.

– Сам пока не знаю. О Сампо говорят разное, и чую, искать его нужно по всей Карьяле и дальше. Вироканнас прав, придётся расспрашивать все народы – ведь каждый знает поне-много, а вместе тех знаний ещё никто не собирал. Ты напрасно беспокоишься, я не зову с собой других. С моим уходом Сувантола не обезлюдит. Вот если бы Тойво со мной пошёл...

– Сына мне не порти! У самого ум в чаду, и парня туда же? Он и так чудной, точно ты в юности!

– Потому и говорю о нём. Он бы понял. Но я не требую, только прошу.

Кауралайнен надолго задумался.

– Что ж, будь по-твоему, – наконец сказал он. – Оутонен бежит за тобой хвостом, не пушу – сам уйдёт следом. Спокойнее будет отправить всех чудных разом. Беда мне с вами, младшими. И откуда это у вас...

– Благодарю, брат, – кивнул Антеро.

– Да чтобы вернулись живыми! – проворчал ижандо. – Мёртвых на порог не пушу!

После ужина Антеро подозвал к себе Тойво.

– Радуйся, дружище. Ижандо дал добро, мы с тобой идём в поход. Тише, прошу тебя! – Тойво с трудом сдержал радостный взглас. Широко раскрытые глаза восхищённо горели. – Не поднимай шума, а то не дадут нам уйти спокойно, пол-Сувантолы в котомку засунут точно. Нас двое, ты да я. Завтра мы соберёмся, уйдём послезавтра на рассвете. А сейчас – всем спать.

Глава 3. Путь на север

В доме сувантолы поднимались рано – одни женщины отправлялись доить коров, другие разводили огонь в печи и варили кашу, мужчины, взяв вёсла и сети, шли к озеру, – люди приступали к повседневным заботам.

Антеро и Тойво вышли ещё раньше, до первых петухов – рунопевцу очень хотелось уйти незаметно. «Не люблю лишних расспросов, – признался он племяннику. – Родители твои знают, и ладно».

Чуть слышно вышли путники за ворота селения и зашагали по дороге, ведущей к северу. Темень стояла такая, что хоть глаз выколи, только вверх, среди чёрных сосновых ветвей серело предраассветное небо в бледных огоньках звёзд. Но в родном месте темнота не была помехой – все тропинки Сувантолы Тойво и Антеро знали наперечёт.

Предыдущий день друзья провели в сборах – путешествие предстояло долгое. В дорожный мешок сложили запасную тёплую одежду и небольшой железный котелок, в заплечный берестяной короб – съестные припасы: крупу и сушёную рыбу, сухари и сало, кожаный мешочек с солью. Летом и осенью лес готов кормить путников грибами и ягодами, но и тогда нельзя полагаться только на его милость, сейчас же запасались как следует – лето ещё не наступило. В отдельную котомку Антеро положил своё пятиструнное кантеле.

– Зачем? – спросил Тойво.

– Пригодится, – коротко ответил рунопевец.

Кроме того, оба вооружились – Тойво, слывший неплохим стрелком, нёс за спиной охотничий лук и колчан со стрелами, в руке лёгкое копье – дротик. Антеро прикрепил к поясу боевую секиру, копьем ему служила тяжёлая рогатина с длинным широким наконечником и перекрестьем, годная как на охоту на крупного зверя, так и в битву.

– Вооружаемся до зубов, точно на войну! – обронил Тойво накануне, разглядывая блестящее жало рогатины. – Дай Укко, не понадобится всё это!

– На Укко надейся, да сам не плошай! – ответил племяннику Антеро. – На войну ещё железные рубашки надевают, да шапки тоже железные, и щиты берут, так что мы с тобой ещё налегке. Правда, и боевого облачения у нас дома негусто. В лесах, особенно чужих, человеку без оружия нельзя никак, и одним пуукко там не обойдёшься.

– Так ведь пуукко – не оружие!

– То-то мы упражняемся с малых лет в его метании и состязаемся каждый год! При случае сойдёт и за оружие. Знатная вещь пуукко, для любого дела годится! – Антеро подбросил в ладони свой нож; блеснуло, поймав на лету солнечный луч, превосходное лезвие. – И ничего, что клинок небольшой – лучше знать, как устроено тело зверя, чем таскать на поясе лишнее железо! Но без оружия более сильного, чем ножи, нам с тобой нельзя.

Бывалый путешественник, Антеро знал, что говорил – между редкими селениями земель Калевы лежали многие вёрсты дремучих лесов, безлюдных, но обитаемых, совсем не безопасных. Дикое зверье, что рыскало в дебрях, летом сторонилось людей, но на дорогах путников подстерегали разбойники, у морского побережья то тут, то там появлялись полосатые паруса викингов. Встречалось и такое, против чего не в помощь были копья и топоры, луки и стрелы, – тогда единственной защитой служили амулеты и заговоры.

– А куда мы путь-то держим? – спросил Тойво.

– Честно – до конца не знаю сам! – весело ответил Антеро. – Зато знаю, за чем идём. Ты ведь руну про Сампо помнишь? Так вот, за ним. Да ты рот-то закрой, ворона залетит!

– А где его... – Тойво никак не удавалось справиться с нахлынувшим удивлением.

– Искать? Никто не скажет. Это великая тайна былых времён, которую мы с тобой попытаемся разгадать. Пойдём из деревни в деревню, из племени в племя, будем петать и слушать

руны – и руны укажут нам путь. В рунах часто древнее знание кроется. Другой раз я пошёл бы сначала в Виипури – инграм море много вестей приносит, да я только что оттуда возвратился и второй раз вряд ли услышу что-то новое. К тому же ингры – те же карелы, и руны у нас с ними одни. Так же и у людей, живущих к северу за Сувантоярви. Значит, путь нам следует держать на северо-запад, в земли народа саво.

– Саво? – переспросил Тойво. – Те самые непутёвые саво?

– Что же сразу непутёвые? Согласен, на нас саво не похожи, но просто живут они иначе. Мы, карелы, землю пашем да скот пасём, а у саво лесных земли для пашни почти что нет – сплошь валуны да болота. Хотя и хлеб растить они умудряются, и стада у них немалые, но главная работа для саво – это охота да рыбная ловля, ещё больше, чем для нас. Посему саво не домоседы – странствовать им приходится часто, и любят они это дело. В разных краях бывают и знают о многом. С ними поговорим перво-наперво. Душа у саво нараспашку, примут нас, как старых друзей, уж поверь мне. Я десять лет назад немало пожил у них и дружен со многими. К саво пешком через леса не так далеко, я дорогу знаю.

– А что дальше? Кто живёт за землями саво?

– К юго-западу от саво – владения народа хяме. Страна большая, народ большой – хозяева южных лесов и побережий, и многих островов в море. За Туманным морем живут руотси, а к северу от хяме людских поселений мало, считай, что совсем нет до самой Сариолы.

– И туда тоже пойдём? – с тревогой в голосе спросил Тойво.

– Думаю, до этого не дойдёт, – ответил Антеро.

Вскоре дорога вышла на открытое место – здесь, на небольшом пригорке у обочины, возвышалась старая сосна – крепкая и могучая, простирала она свои ветви на все стороны света, и только внизу ствола, на высоте человеческого роста от земли почти все сухие ветки были срублены. От дерева навстречу путникам шагнул невысокий человек, опирающийся на посох, и приветственно поднял руку:

– Добрый час, Антти! Здравствуй, Тойво!

– Добрый час и тебе, почтенный Вироканнас! – обрадовался Антеро. – Что же не спишься тебе в такую рань?

– Сон старика короток, – развёл руками ведун. – Всё дороже время, всё больше нужно успеть! Я пришёл пожелать вам доброго пути, друзья мои. Тойво первый раз идёт странствовать, и я знал, что ты не забудешь про карсикко. Ты ведь за этим пришёл?

Рунопевец кивнул в ответ.

Следуя старинному обычаю, люди в землях Калевы по каждому значимому случаю оставляли знак – зарубку на памятном дереве-карсикко, которое считалось священным. Хвойные деревья со знаками, вырезанными на коре, или причудливо обрубленными сухими ветками встречались по берегам рек и озёр, на перепутьях вблизи селений, в священных рощах и на кладбищах. Без карсикко не обходились ни удачные уловы рыбы, ни проводы в далёкий путь, ни свадьбы, ни похороны, ибо люди верили, что как хранит зарубку дерево, так же помнит и бережёт человеческую судьбу великое Древо Жизни.

Втроём друзья подошли к придорожной сосне. Антеро снял с пояса секиру, высмотрел на стволе нетронутую сухую ветку и отсёк её. Упавший на землю обрубок поднял Вироканнас и бережно, словно живое существо, положил к корням сосны.

– Слушай меня, Тойво, сын Кауралайнена! – звучно произнёс рунопевец. – Как смотрит ветвь священного карсикко в сторону дома, так да обращается к дому твоя душа, куда бы ни привела тебя дорога, на север или на юг, на восток или на запад!

– Да воздадут тебе люди добром за доброе, – продолжил Вироканнас. – И да хранят тебя боги земли и воздуха, воды и леса, и сам Укко – Отец Небесный!

Тойво низко поклонился, коснувшись правой рукой земли. После, сняв из-за спины берестяной короб, достал оттуда пирожки – калитки, испечённые в дорогу заботливой матерью, и

небольшую кожаную флягу. Все трое встали в круг у ствола дерева и приступили к трапезе; не забыли угостить и само карсикко, положив пирожок у корней и плеснув туда же из фляги.

– Пошёл бы я с вами, ребята, – сказал Вироканнас. – Да стар я уже по дальним краям ходить. А вы вдвоём нигде не пропадёте, я-то сувантольскую породу хорошо знаю. В беседах не спешите, да слушайте внимательно, что станут сказывать, – так и узнаете больше. А коли станет нужно – вспомни, Антеро, чему я тебя учил. Ты кантеле-то взял с собой? Молодец. Береги его, оно и в радости услада, и в беде подмога. Да возьмите и это. – Ведун извлёк из-за пазухи два амулета – медвежьи клыки длиной с палец, надетые на тонкие шнуры из конского волоса. – От зверья хищного уберёжёт. У чудовища взял я их много лет назад, не у медведя – у хийси в медвежьей шкуре.

Тойво и Антеро поблагодарили старца, поклонились на прощание священной сосне и, подхватив вещи, зашагали по дороге. Ночь быстро рассеивалась. Исчезли с небосвода последние звёзды, уплыла и скрылась вдали за деревьями побледневшая луна. Вначале робко, но потом всё громче защebetала лесная птица, и в ответ ей в селении прокричали петухи, возвещая начало нового дня.

– Пусть солнце светит вам в пути! – сказал ведун, глядя вслед уходящим путникам.

Несколько дней шли Антеро и Тойво через бор, пересекали вброд лесные речки, обходили болота и озёра, встречавшиеся на пути. Сосновые леса Сувантолы давно сменились ельником, с каждым днём становившимся всё гуще и темнее. Непривычному к лесам человеку в таком месте ничего не стоило заблудиться, но для своих жителей сами дебри – деревья, высокие бугры муравейников, замшелые валуны и по ночам звёздное небо – хранили великое множество знаков. Антеро выбирал дорогу безошибочно – он действительно хорошо помнил путь в земли саво.

Дорога позволяла странникам разговаривать подолгу, чему они не переставали радоваться. Антеро чувствовал в племяннике родственную душу и охотно делился с ним знаниями и мыслями, наполнявшими его и бившими через край, а любознательный Тойво был самым благодарным и внимательным слушателем.

– Мы сейчас движемся на север, – сказал Антеро на привале; они сидели на бревне у костра, горевшего невысоким, но жарким огнём. Тойво уже сполоснул в ближайшем ручье котелок из-под каши и снова набрал воды – теперь готовился отвар из душистых трав и сушёных ягод, который так приятно было неспешно попивать за разговором после ужина. Для этого у каждого человека была особая чаша – кукса, – маленькая округлая вещица, вырезанная из нароста на дереве, с одним небольшим ушком, за которое её можно было подвесить к поясу. Кукса долго сохраняла отвар горячим, но не обжигала рук хозяина, а доброе начало, вложенное в неё резчиком, делало напиток ещё вкуснее.

– Мы сейчас движемся на север, – сказал Антеро, – стало быть, держим путь к Вершине мира. Хоть до неё недалеко, но всё же... Помнишь, Вироканнас как-то давно рассказывал, как этот мир устроен?

Тойво замотал головой.

– Так вот, далеко-далеко на севере, – продолжил рунопевец, – земля начинает тянуться к небу и тянется изо всех сил, а силы в земле небывалые. И от той тяги вздымает земля до самого небесного свода великую гору – высокую-превысокую и крутую-прекрутую. Склоны у той горы ровные и гладкие, как лёд, и подпирает она небо, точно столб крышу дома. Маанэллой та гора зовётся, Вершиной мира, Опорой небес. Венчает Маанэллу Северная звезда – та, что светит вблизи Отавы²¹, оттого не сбиваются с пути те, кто на Северную звезду смотрит, где бы ни лежал их путь. Прочие звёзды, и Солнце, и Луна вокруг Маанэллы по небесному куполу ходят день за днём, год за годом.

---

²¹ Отавой (Ottawa) финны называют Большую Медведицу.

А внизу, у подножья Маанэллы, лежит край чужой, край северный. Много в том краю чудес странных и страшных, а народ там – сплошь злые чародеи. Туманной Сариолой зовут то место люди, а чаще того Похьёлой кличут.

– Потому что на севере? – спросил Тойво.

– Либо потому что на дне²². Даже руотси, представляющие себе мир не по-нашему, на своём языке называют Похьёлу дном, «Боттен». И это неспроста. – Антеро заговорил тихо, почти перейдя на шёпот. – Там, в Похьэле, подножье Вершины мира, и там же – его Дно, вход в преисподнюю. Где-то у корней Маанэллы протекает река Туонела – граница между миром живых и миром мёртвых – Маналой²³. Нет у Туонелы ни конца ни начала, ни устья ни истока. Разное рассказывают о той реке – одни говорят, что она чёрная и тягучая, как смола, другие – что поток её бурный и кипящий, а то и огненный, третьи верят, что мчится Туонела непрерывным потоком отточенных мечей и копий...

– А как на самом деле?

– Сам не видел, – признался Антеро. – Думаю, каждый видит её так, как свою жизнь прожил да какую смерть принял. Знаю только, что переправиться через Туонелу нельзя иначе как на лодке, пришедшей с того берега, и что обратной дороги уже не будет. Стерегут границу Маналы грозные стражи – глаза у них огненные, а лица железные, и сами они – сыновья владетеля мира мёртвых – бога Туони. Ступившего на землю Маналы человека дочери Туони опоят напитком забвения, холодным и горьким, а сыновья сплетут железные сети, усаженные острыми крючьями, чтобы преградить дерзкому дорогу вспять. Пока сияет на небесах месяц и солнце ходит по небосводу, никто из живых не должен по доброй воле стремиться в царство Туони, в холод и мрак Маналы.

Рунопевец умолк; только ручей журчал в ночной тишине, да слышался вдалеке неугомонный хор лягушек.

– А правда ли, что Вироканнас обучил тебя колдовству?

– Куда мне! – отмахнулся Антеро. – С этим родиться надо. Он немало рассказал мне о колдовском искусстве. Ему учатся всю жизнь, не переставая, потому что волшебная сила – это прежде всего обширные знания и умение чувствовать природу вещей. И ещё не забывать о том, что у каждой стихии, у каждого места и явления в этом мире есть свой бог, свой дух – хозяин.

– Помню, чинили мы с отцом невод, – сказал Тойво, – мне лет семь было. Я возьми и спроси его, каких богов чтят лопари...

– Кто о чём, а чудной о лопарях, – усмехнулся Антеро, вспомнив ходившую в Сувантоле поговорку, и продолжил: – Верховный бог – громовержец Укко, Хозяин неба. Гром – голос его, молнии – его стрелы. Когда мчится Укко по небу, далеко слышна его могучая поступь. Жена Укко – богиня земли, добрая Рауни. Лесным царством – Метсолой правят Тапио и Миэллики, и в помощь им их многочисленные дети во главе со старшей дочерью Теллерво. Подводные скалы, валуны и пороги принадлежат Киви-Киммо, а стремнинами и водоворотами рек и морей владеет грозный Ику-Турсо – некогда самый опасный для людей. Старый верный Вьяйнямёйнен сразился с Турсо и победил его; тогда дух поклялся никогда впредь не вредить людям и поныне держит слово. В каждой реке, в каждом озере есть свой водяной – ветихинен, а главные над ними – Хозяин и Хозяйка морские, Ахто и Велламо.

Тойво показалось, что на последнем слове голос Антеро дрогнул. Он только что хотел попросить родича сыграть на кантеле, но, взглянув на его задумчивое лицо, понял, что не стоит. Антеро, словно уловив мысль племянника, продолжил:

– Заклинания недаром звучат в виде песнопений, особенно те, что обращены к морю и ветру. Слышат боги-хозяева музыку, и трогает она их сердца; стихает буря и не ярятся более

---

²² Финское слово pohja переводится как «север» и как «дно».

²³ Название мира мёртвых происходит от словосочетания maan alle – «под землёй».

морские волны, когда ветер и море вторят плавному напеву, а под напев скорый и нестройный бушуют они ещё сильнее.

Всякий бог-хозяин как человек – уважения требует и подарки любит, но не столько для себя даже, сколько для своих владений. Веди себя учтиво да поступай по совести, тогда бог не рассердится.

Что до борьбы колдунов со всяческой напастью – то каждое явление, каждая вещь имеет своё начало и происхождение. Чтобы совладать с чем-либо, необходимо назвать его исток и пригрозить бедой, если это что-то не подчинится воле заклинателя.

Однако, заклиная даже злое явление, его невозможно изгнать за грани мира – таков уж закон мироздания, что если где-то убывает, то в другом месте непременно должно прибыть столько же. Потому укрощённую напасть заклинатели изгоняют в пустоши, на скалы и в болота, в непроходимые дебри и вечные льды, где они никому не повредят; злой волшебник способен изгнать и на других людей, но это грешно и в конечном счёте опасно для самого волшебника – она может вернуться к нему своей волей либо волей более могучего противника.

– Стало быть, колдовские знания – не человеческая тайна?

– Изначально – нет. Знания-истоки рассеяны по миру, как семена по пашне, они постоянно прорастают, приносят плоды – чародею важно научиться находить их и использовать, но только на благие цели. Однако сейчас многие волшебники берегут заговоры и не открывают их кому попало, боясь, что, став известными всем, заклинания лишатся силы.

Чем больше чародей знает о происхождении вещей, тем он сильнее, тем больше существ и явлений ему послушно. Так смотрит на мир хозяин, и этому учил народ Калевы старый верный Вяйнямёйнен, первый человек и самый могучий чародей на свете. Он не жалел знаний и трудов для человеческого рода, ибо хотел сделать этот мир лучше, а людей – более счастливыми.

С именем Вяйнямёйнена как-то связано и само чудесное Сампо...

* * *

Крепкий лохматый жеребец с длинной гривой, заплетённой в косы, весело бежал по дороге вдоль опушки леса; с дуги заливался колокольчик, полозья богато украшенных саней легко скользили по свежему снежку, совсем недавно покрывшему осеннюю землю. Радостно было возвращаться домой после целого года странствий в чужих краях – года трудов и поисков, опасных стычек с лопарскими чародеями, битв на мечах и на псах, года, когда даже такому могучему волшебнику, как Вяйнямёйнен, бывало тяжело. Даже сейчас, возвращаясь в родные края, герой не был свободен – коварный север, приняв его как гостя, наградил на прощание задачей, да такой трудной, что всё, пережитое и сотворённое волшебником ранее, не могло сравниться с ней.

Старый Вяйне не унывал – вся его жизнь состояла из поиска ответов на бесчисленные загадки мира – в них он черпал новые знания и увеличивал свою силу, которую затем обращал в помощь людям. Но ответ на новую загадку не встретился мудрецу нигде – даже Верхний и Нижний миры хранили молчание, и сам Хранитель песен Виппунен, знающий обо всём на свете, не мог поведать ни слова. Ответа не было ни в прошедшем, ни в настоящем временах, значит, предстояло сотворить его во времена грядущие, и здесь нужны были совет и помощь великого мастера-умельца.

Вдоль дороги всё чаще стояли хутора и деревни. Встречные люди, узнавая могучего седобородого человека, сидевшего в санях, радостно приветствовали его. Вскоре сани остановились на подворье высокого дома. Наличники и причелины терема были украшены затейливой резьбой, изгибы которой напоминали языки пламени, на коньке красовалась резная голова лошади, а в узорах ветреницы угадывались молот и клещи.

Быстроглазый мальчишка в коротком овчинном полушубке и шапке с торчащими кверху ушами принял коня, молоденькая девушка, завидев приезжего, поспешила в дом и вернулась с кружкой пива, которую с поклоном поднесла знатному гостю. С благодарностью приняв угощение, Вяйнямёйнен направился к заднему двору, откуда поднимался чёрный дым и слышались стук и звон множества молотов.

– Доброго дня тебе, Ильмаринен! – крикнул Вяйне, переступив порог кузницы. – Жаркого огня твоему горнилу и сильной руки твоему молоту!

– Вяйнямёйнен! – Статный голубоглазый богатырь, с огненно-рыжими волосами и бородой, в длинном кожаном переднике, шагнул из глубины строения навстречу гостю. – С возвращением тебя, брат!

Братья обнялись – то была поистине добрая встреча.

Впереди ждал весёлый пир на всю округу в честь возвращения сородича, песни и продолжительные рассказы. Несколько дней спустя Вяйнямёйнену удалось поговорить с братом с глазу на глаз.

– Я слышал о невиданном чуде, имя которому Сампо.

– Что это такое? – с любопытством спросил Ильмаринен.

– Оно создано из лебяжьего пёрышка, молока нетельной коровы, ячменного зерна и овечьей шерсти. Оно щедро дарит своим владельцам хлеб и соль, а если надо – то и золото.

– Ловко придумано! – похвалил кователь. – Всем вещам вещь! Кто же рассказал тебе о ней?

– Лоухи, – вполголоса ответил Вяйнямёйнен.

– Ведьма! – нахмурился Ильмаринен. – Хозяйка Похьёлы! Сказывают, она в родстве с самим Хийси! Выходит, ты...

– Да, я был там. И довольно долго, хотя попал в Сариолу не по своей воле. В Туманном море лодка моя оказалась разбита, а самого меня носило студёной водой словно щепку несколько дней, пока буря не утихла. Я был слаб, точно новорождённый, и, признаюсь, мне пришлось солоно как никогда.

Лоухи приютила меня, приняла радушно. Она дала мне пищу и кров, излечила мои раны. Когда я встал на ноги, не раз предлагала мне остаться в её краю насовсем, однако мне хотелось домой. Когда я спросил Хозяйку Похьёлы, чем могу отблагодарить её за гостеприимство, Лоухи назвала Сампо...

– Для тебя, брат, я готов на всё что угодно, – произнёс Ильмаринен. – Но на благо похьёлан работать не желаю, даже если бы я знал наверняка, как изготовить Сампо. Ни к чему такое чудо этому злобному народишку.

– Лоухи верит, что Сампо осчастливит её народ, и её желание можно понять. Похьёлане заброшены судьбой на самую суровую окраину этого мира, и жизнь их на редкость тяжела. Кто знает, может быть, вещь, подобная Сампо, поможет им измениться к лучшему...

– В это верится с трудом, – сурово возразил кователь.

– Чтобы сотворить Сампо, одних только знаний недостаточно, – продолжал Вяйне. – Нужно умение, нужно искусство. А кто сравнится в этом с тобой? Ты выковал небесный свод, устроил крышку воздуха, да так славно, что на небе не осталось следов молота и клещей.

– Что было – то было, – не без гордости взглянул ввысь Ильмаринен.

– Разве тогда ты думал, что небо будет у одних людей и что его совсем не достанется другим?

– Не думал, конечно. Тогда и людей-то на свете не было, – кивнул Ильмаринен. – Только ты, старший брат, да я, да Сампса Пеллервойнен, посадивший леса, да ещё несколько – те, что помогали Создателю устроить этот мир, – вот и всё.

– Я верю, брат, что, начавшись в Похьёле, Сампо разойдётся по всей земле и послужит миру новым благом сродни солнцу и луне, морю и воздуху.

– Что ж, если так, то можно попробовать. Хотя сам я охотнее устроил бы Сампо здесь, нежели в туманной Сариоле.

* * *

Наступил черёд Тойво стоять в дозоре. Антеро спал, положив под голову мешок с одеждой, Тойво сидел на бревне, обхватив руками дротик, и глядел в костёр. Близилось лето, и ночи становились коротки; придёт ещё время, когда солнце станет скрываться за краем неба, лишь немного уступая вечерним сумеркам. Но сейчас ночь, сохранившая ещё немного времени для своей темноты, была по-настоящему волшебной. Она стёрла границы и очертания, и небольшая поляна с кружком света от костра посередине сделалась бескрайней и таинственной. В темноте о чём-то шептались ветви деревьев, тёмные силуэты которых сплетались в небывалые образы, а небо, усеянное большими яркими звёздами, висело низко-низко, едва не задевая еловых макушек. Казалось, что стоит подпрыгнуть чуть выше – и можно ухватить рукой Отаву, словно ковш за ручку.

Внезапно Тойво почувствовал чей-то взгляд, и тут же увидел за раскидистой елью, до которой едва доставал свет костра... человека? Нет. Ни один человек не появится из леса так бесшумно. Длиннопалыми лапами, покрытыми густой шерстью, отводил пришелец еловую ветку; Тойво успел разглядеть длинный носик и нависшие, лишённые волос, брови, из-под которых вспыхивали, отражая огонь, маленькие глазки...

– Антти!

Оказалось, что рунопевец не спал. Он лежал на спине с открытыми глазами и наблюдал за незванным гостем. Тойво поднял было дротик, но Антеро положил руку ему на плечо, шепнув: «Не надо!» – а сам шагнул навстречу пришельцу и выставил перед собой ладонь:

Чадю леса, муж косматый,
Дикий зверь с двумя ногами,
Ты зачем посмел явиться
Пред очами человека?
Я овец твоих не трону —
Эти овцы – злые волки,
Я коров не потревожу,
Тех оленей длинноногих.
Уходи, укройся в чаще,
В шалаше средь бурелома,
Где рождён ты дочкой Хийси,
Молоком медвежьим вскормлен!

Существо дико сверкнуло глазами и исчезло так же тихо, как и появилось, – только заколыхались еловые лапы.

– Подбрось-ка хворосту, – сказал рунопевец. – Пусть огонь будет высоким. Ложись спать, я покараюлю.

– Этот косматый – кто он? – спросил Тойво. – Зачем он приходил к нам?

– Он бы то же самое спросил у нас с тобой, если бы умел разговаривать по-человечески, – ответил Антеро. – Это мы в его лес пожаловали, вот и вышел взглянуть. Это меньшей хийси, дикий человек леса.

Они не в родстве с Хозяином леса Тапио, и разум их ближе к звериному – огня боятся, ходят нагишом, однако обижать их без нужды нельзя – они всё же часть народа Метсолы, и на людей похожи как никакой другой зверь.

Одного из меньших хийси знал наш Кари – ушёл он как-то в лес дальше обычного, да и оказался с косматым по соседству. Угощал хийси сухарями да салом, и тот в долгу не оставался – то зайца человеку притаскивал, то тетёрку. Когда пообвыклись, Кари даже говорить с ним пытался, да только косматый по-людски не понимал – только лопотал что-то да чирикал, как воробей. Потом смешно получилось: задремал как-то Кари на солнышке, куртку скинул и башмаки тоже – полдень жаркий выдался. А хийси уж тут как тут – он и раньше видел, как люди одежду носят, и тоже захотел попробовать, а как надо – не знал. Напялил куртку задом наперёд, руки в башмаки засунул, снять не сумел – и давай блажить на весь лес да бегать туда-сюда, – подумал, что человечьи штуки его поймали. Кари проснулся – и вдогонку, да куда там! Так и оставил косматого в покое, а вскоре и вещи свои в лесу отыскал – вернее то, что от них осталось.

Остаток ночи прошёл спокойно. Лесное чудо после забавного рассказа не казалось страшным и, словно понимая это, не тревожило отдых путников.

Глава 4. Шведы и норвежцы

Драккары шведов продолжали путь на юго-восток, вдоль побережья моря до устья Невы и дальше. Уже приближалось озеро Нево²⁴, и не за горами был Волхов, на берегах которого стоял богатый и славный город Хольмгард.

Боги не оставили мореходов – погода стояла ясная, попутный ветер наполнял паруса, и Нева спокойно качала корабли на своих волнах. Но ярл Торкель, прозванный Вороном, проводил последние дни в тяжёлых раздумьях: ему до сих пор не удалось исполнить особое поручение конунга.

Будь на пути флота торговые города с их рынками и гостинными дворами, с купцами, путешественниками и праздными зеваками, добыча сведений о таинственном Гротти не составила бы труда, благо поддерживать беседы Торкель умел как никто другой. Но всё оказалось сложнее.

Дело в том, что после Виипури викингам не представилось ни единого случая торговать и расспрашивать местных жителей. Большие селения на пути не встречались, маленькие деревеньки и хутора, рассыпанные по лесистым берегам, при приближении флота повсеместно делали одно и то же – наглухо запирали ворота и щетинились копьями. Когда однажды викинги высадились на берег и попытались подойти к очередной деревне, из прибрежных зарослей градом посыпались стрелы.

Ярл понимал, что дело здесь не в злобном нраве финнов, а в их обычной осторожности – какой ещё встречи было ждать пяти чужеземным кораблям с многочисленной вооружённой командой? Ингры из Виипури знали обычаи викингов и умели предугадать их намерения, но жители глубин этого малолюдного края, сплошь покрытого дремучими лесами, подобными знаниями похвалиться не могли. Зато лихая слава детей Одина, промышлявших торговлей и разбоем одновременно, просочилась даже сюда.

Хэрсир Горм снова предлагал брать финнов в плен и заставлять говорить силой, но Торкель строго-настрого запретил обижать местных. Внутренне он уже готов был согласиться с Гормом, но помнил наказ конунга и, кроме того, не позволял досаде затмить свой холодный рассудок.

«Мы потеряли много времени, – размышлял ярл наедине с собой, оглядывая с носа драккара неприветливые берега Невы. – Нарочно повернули к северу от привычных путей, два дня просидели в Виборге, а узнали немногим больше, чем знали ранее. Похоже, здесь нам делать больше нечего. Углубись мы в эти дебри – кто знает, что там? Впрочем, я и здесь видел, как встречают нас финны.

Бьюсь об заклад, о Гротти Асмунд вспомнил в последний миг, там, на вершине Стража Бирки. Жажда золота побудила его верить в чудеса – конунг пожелал убить одним камнем сразу двух зайцев: выгодная торговля с руссами и попутно добыча волшебного жёрнова Гротти, обладание которым он приписал финнам. Однако конунг не учёл того, насколько разнятся повадки этих двух зайцев. Торговый или военный поход невозможен без многих кораблей, но сейчас я вижу, что со многими кораблями невозможно узнать финнов ближе – они предельно осторожны с чужаками. Чтобы входить гостем в их дома и расспрашивать о чудесах, мне бы следовало идти по финским землям в одиночку – законы гостеприимства не позволят оставить за порогом даже чужеземца... Не поступить ли именно так?

Вздор. Драккары и груз конунга вверены мне, и я не вправе бросить их. Горм силён, но только в том, что связано с битвами, – мирные дела не для него, и заменить меня в торговом

---

²⁴ Ладожское озеро.

походе он не сумеет, разве что на обратном пути. Но и там я не рискнул бы оставлять его одного – он со своими молодцами даже самый дружественный поход превратит в набег.

Что ж, из двух зайцев конунга следует выбрать наиболее упитанного. Мы идём в Гардарики, а Гротти, если оно есть, может подождать. Я разыщу это чудо и приду за ним, когда сочту возможным».

Что до Горма Полутролля, то в Гротти он по-прежнему не верил – с трудом верилось, что в этой дикой земле скрывался неиссякаемый источник богатства. В последние дни он сделался вялым и сонливым, разговаривал мало и всё чаще огрызался – ему претило мирное плавание. Однако он не смел ослушаться Торкеля, пока тот был рядом, и, подобно ярлу, помнил веление конунга.

Иначе обстояло дело с дружиной. Ни один из простых викингов не знал ни о поисках Гротти, ни о воле конунга. Они шли торговать в Хольмгард, значит, с руссами ссоры не затеят, но до Гардарики ещё далеко. Многие из них были непрочь пожить в пути. Встреченные поселения финнов не выглядели хорошо укреплёнными, мужчины хоть и были суровы, но всё же не чета викингам, да и немного их, женщины – белы и красивы... Многие недоумевали, почему ярл не даёт своим людям повеселиться.

Но если сородичи-шведы не роптали вслух, понимая, что Ворон замышляет нечто мудрое, то команда снеккара «Морской бык», на три четверти состоявшая из норвежцев, нанятых Гормом прошлой зимой, не скрывала недовольства.

– Нас нанимали как воинов, – говорили они между собой. – А трудимся мы перевозчиками шведских товаров! Стыдно! Викинги мы или трэли трусливые?

– Шведы растеряли свою доблесть, а скорее не имели её никогда, – вторили им другие. – Видели, как ярл ходил в гости к вожакам этих лапотников?

– И мечи им для того только нужны, чтобы в ногах путаться!

– Скоро станут под стать плешивым богомольцам Ирландии! Те уповают на своего бога, а сами и пальцем не пошевелият для защиты!

– Устроим вик сами! Подадим пример этим трусам, пусть пойдут за нами хоть бы из зависти!

– Ну их к троллям! Справимся сами!

– Вик! Во славу Одина!

На подобную болтовню можно было не обращать внимания, но день ото дня она становилась всё громче.

Ничего другого от наёмников ждать не приходилось, и ярл уже начал жалеть о том, что взял их с собой. Он вообще не любил наёмников, хотя признавал, что они незаменимы на войне – отвлечь на себя, измотать боем противника, сложить головы хотя бы все до единой, сохранив тем самым собственных воинов конунга для решающей, победной схватки. В торговом же походе от наёмников толку не было – они были нужны разве что для защиты, но кто в этих местах отважится напасть на флот викингов?

Норвежцы соскучились по боям, и их жажда битвы грозила перекинуться на шведов.

Однажды вечером викинги устроили привал на Ореховом острове. Драккары вытащили на берег, развели костры, стали готовиться к ночлегу.

Остров Ореховый был известен всем, ходившим в Гардарики водой с севера, однако оставался необитаемым – невысокий безлесый холм над водами озера Нево, обителище крикливых чаек, открытое всем ветрам. Очертаниями остров напоминал орех, за что и получил своё название. К острову невозможно было подойти незаметно, потому так любили отдыхать на нём путешественники.

Распорядившись об устройстве лагеря, ярл Торкель решил пройти по острову, чтобы отдохнуть и подумать. Он неторопливо шёл вдоль берега, постепенно уходя вглубь острова – благо Ореховый не был широким, и берег не пропадал из виду. По обе стороны несла свои воды

Нева – сегодня необыкновенно спокойная, вдали мерцали костры лагеря, слышались голоса и песни. Торкель прислушался – так и есть, снова затянули боевую, от которой руки сами тянутся к оружию. Скальд Гуннлауг запевал высоким голосом, прочие хором подхватывали разудалый припев:

Рог ревёт в горах, в долинах,
В бой идём по воле богов.
Конунг соберёт дружину —
Ворон, радуйся, пир готов!

Пасть дракона над волнами,
В бой идём по воле богов.
Знамя ворона над нами —
Ворон, радуйся, пир готов!

Тех, что в ночь гостей не ждали,
В бой идём по воле богов,
Утром приняли в Вальгалле —
Ворон, радуйся, пир готов!

«Воистину, такой поход, как наш, – мука для воинов, – подумал ярл. – Им бы в набег на Валланд или во владения датчан. Что за края здесь – ни городов, ни людей нет. Для кого здесь молоть золото, хоть бы и волшебным жёрновом?

Однако же купеческие пути пролегают именно здесь. Что, если поставить на этом острове крепость, чтобы брать дань с проходящих купцов? Тогда Нева принесёт столько богатства, что никакому Гротти за ней не угнаться. Тогда я и сам не побрезговал бы усестись хозяином этой земли.

Удивительно, что до этого до сих пор не додумались руссы – ведь Ореховый остров находится близ самых границ Гардарики. Финнов этот клочок земли, по всему видно, не занимает совсем.

Впрочем, руссам сейчас не до того – всего каких-то десять лет назад они захватили и сожгли дотла поселение викингов Альдегью на берегу Волхова, а затем отстроили заново, уже по-своему. Именно там видят они водные ворота своих земель. Что ж, крепость на Ореховом могла бы достойно соперничать с Альдегьей, или Ладогой, как по-своему называют её руссы. Какое имя следовало бы дать такой крепости – Ореховая, Нотеборг? Смешное название. Может быть, Город-Ключ, Ключ Нево? Так было бы вернее.

Где есть крепость, там нужны защитники, войско, и немалое – иначе крепость на Ореховом постигнет участь Альдегьи. Вот и будет чем заняться воинам, хотя бы и тем, что сейчас горланят у костров на берегу, и их детям, и внукам, и правнукам. Не раз и не два налетит вражеская рать на безлюдный ныне остров посреди Невы!»

Торкель явственно представил себе крепость и битвы, кипящие под её стенами – на десятки и сотни лет вперёд, каждая следующая – кровопролитнее и ужаснее предыдущей, и так до Рагнарёка. Мелькнула странная для викинга мысль о том, что любая война – это прежде всего бедствие, и нет в ней достоинства, присущего созидательному труду...

Услышав шаги за спиной, ярл обернулся. К нему шёл предводитель наёмников Олаф Вепрь – коренастый длиннорукий человек с водянистыми глазами навывкате и неподвижным лицом. Рыжая борода норвежца едва не достигала пояса, что делало его похожим на тёмного альва – жителя подземного мира. Ярл с первых дней невзлюбил этого северянина, почти все-

гда молчавшего, но глядевшего на шведов дерзким, почти насмешливым взглядом и ядовито усмехавшегося в ответ на приказы.

Горм в своё время приметил Олафа и его дружинников в Бирке, когда тот, побившись об заклад, в одиночку выпил целый бочонок крепкого пива, при этом расхваливая свои подвиги, и остался на ногах. Под стать предводителю были и воины – четырнадцать прожжённых головорезов, ради добычи готовых на всё.

И сейчас Олаф был вооружён до зубов – в кольчуге, со щитом за плечами, шлемом на голове, секирой в руках, мечом и саксом у пояса.

– Мои люди устали бездельничать, ярл, – сказал он.

– Тогда пускай поработают. – Торкель сделал вид, что не понимает, о чём идёт речь.

Норвежец пропустил едкие слова мимо ушей и продолжил:

– Вчера вечером мы прошли мимо финской деревни. Там даже частокола не было! Сами боги дарят её нам!

– Ты забыл, что мы идём не на войну, Олаф? – строго спросил ярл. – Или мой приказ уже ничего не значит для тебя?

– Разве я говорю о войне? – ухмыльнулся Олаф. – Стоит ли называть войной то, что мы пройдем несколько прибрежных селений и возьмём, что понравится? Добудем еды и женщин, поднимем боевой дух нашим воинам?

– Тем самым, норвежец, мы посеем в этих землях войну. Урожай станем собирать на обратном пути из Гардарики, когда финны соберутся отомстить за обиду. Так бывало с дружинами, ходившими в южные страны и не щадившими никого на своём пути.

– Не иначе ты, швед, испугался? – Олаф всячески старался раззадорить или хотя бы задеть Торкеля. – Испугался этого лесного отребья с вилами?

– Следи за языком, наёмник! – сверкнул глазами ярл, —

Глупого слова лодка
Мчится на пиршество лезвий.
Позже язык непослушен,
Срубленный с головою!

Норвежец ухватился за секиру, тут же совладал с собой и опустил оружие, однако от глаз Торкеля не скрылся и этот мгновенный порыв. С высоты своего роста он окинул Олафа взглядом, исполненным гордости и собственного превосходства.

– Я лучше тебя знаю, что делать с вверенными мне людьми и драккарами, рассуждать об этом – не твоего ума дело! Твоё дело – исполнять мои приказания!

– Да раз на то пошло – трое моих людей были ранены финскими стрелами! Их кровь требует виры! – закипал норвежец.

– Раны воинов не опасны. Они даже не оставили вёсел. К тому же я не велел тревожить местных, а твои люди двинулись к селению, обнажив оружие, и получили по заслугам. – Торкель снова обрёл привычное спокойствие. – Виру за кровь они получают из запасов конунга.

– Ты своим миролюбием добьёшься того, что сынов Одина перестанут бояться!

– Такие, как ты, Олаф, уже добились того, что с нами никто не желает разговаривать! Даже сейчас, когда это нужно.

Вожак наёмников не нашёл что ответить. Он свирепо вращал глазами и кусал бороду.

– Ступай к своим людям и смотри, чтобы они вели себя смирно. – Торкель чеканил слова, смотря сквозь норвежца ледяным взглядом. – Если проведаю о них что-либо дурное – пеняй на себя.

Наёмник развернулся и ушёл, сердито топая и лязгая железом. Ярл удовлетворённо посмотрел ему вслед и отправился к шведским кострам – искать Горма.

Хэрсир нашёлся быстро – он только что закончил трапезу вместе с дружинниками и отдыхал, привалившись спиной к замшелому камню, прикрытому плащом. В темноте ярл чуть не споткнулся об его стволоподобные ноги. Великан зарычал сквозь сон, но, открыв глаза и разглядев, кто перед ним, быстро встал и угрюмо поприветствовал ярла. В темноте, скупо освещённой неровными бликами костра, Горм смотрелся ещё огромнее и страшнее. Казалось, что по зову ночных сил ожил и зашевелился один из больших валунов, разбросанных по побережью, и первые лучи солнца снова обратят тролля в камень.

– Горм, что за люди на борту «Морского быка»? – спросил Торкель. – Сколько их всего?

– Двадцать человек, – отвечал хэрсир. – Пятнадцать норвежцев да пятеро наших для ровного счёта. Из норвежцев двое берсерки.

– Ты видел их в деле?

– Нет. Но я их чую. – Последнее слово Горм произнёс глухо и раскатисто, совсем по-звериному. – А что тебе до них?

– Мне, предводителю этого флота, до всех. Я тоже чую. Чую, что не сегодня, так завтра эти разбойники взбунтуются. Уж очень хочется им лёгкой добычи. Их нужно сдержать.

– Дело за малым, ярл. Завтра утром рассадим норвежцев по разным драккарам, не больше троих на один, и пускай попробуют бунтовать.

– Уверен, что попробуют, – усмехнулся Торкель. – У нас четыре склада сухих дров. В каждый вставим по три горящих факела. Пожар будет такой, что всей воды Нево не хватит, чтобы погасить его!

Горм молча уставился на ярла, понимая, что тот прав. Торкель продолжил:

– Сделаем иначе. Всё остаётся как есть, но с завтрашнего утра главным на «Морском быке» сделаешься ты. Олафа Вепря я заберу на свой драккар помощником, а прочих наёмников бери железной рукавицей. Не станут слушаться – делай с ними что хочешь.

– Решено, – осклабился Полутроль. – Прикажешь что-то ещё?

– Достаточно. Можешь отдыхать. Завтра утром явимся на «Быка» и сделаем всё без лишних разговоров.

Но отдохнуть в ту ночь ни Горму, ни самому Торкелю не удалось. Едва ярл начал засыпать, как вдалеке послышались шум и крики, и тут же прибежал Иллуги – расторопный молодой дружинник, совсем ещё мальчишка, из тех, что плыли на «Морском быке» вместе с норвежцами.

– Беда, ярл! Проснись!

– Что случилось? – Торкель сел быстро, словно и не засыпал, нащупывая в темноте рукоять меча.

– Норвежцы хотят уходить, – скороговоркой ответил Иллуги. – Пытаются спустить «Быка» на воду, а наши впятером не дают. Вчетвером уже, меня-то за тобой послали.

– Проклятье! – Ярл на бегу подпоясывался мечом. – Поднимай Горма, дружинников, и всех туда!

– Горм уже там, и не один! Сейчас до мечей дойдёт, а я здесь!

– И этот туда же! – рыкнул сквозь зубы Торкель. – Лишь бы подраться!

В лагере поднялась суматоха – проснувшиеся воины хватались за оружие и спешили на шум, к месту, где стояли корабли.

Подбежав ближе, Торкель увидел норвежцев Олафа, вставших в тесный круг и загордившихся со всех сторон щитами, с оружием наголо. Всё прибывающие шведы окружали наёмников и старались отеснить их подальше от «Быка», черневшего в стороне у кромки воды. Впрочем, казалось, что о корабле никто не помнит – противники яростно орали друг на друга, размахивали факелами и оружием.

Где-то поблизости сквозь шум толпы прорывался медвежий рёв Горма – ярл уже видел, что тот бранится с Олафом, стоящим во главе строя норвежцев. Кричали все, и ни один не слышал другого.

– ТИХ – ХО!!! – Властный окрик Торкеля ударил в многоголосый гомон толпы, через которую ярлу пришлось проталкиваться – в темноте даже его заметили не сразу. – Тихо, задержи вас тролли!

– Ярл здесь! Торкель Ворон здесь! – Увидев своего предводителя, дружинники смолкали и расступались, давая пройти.

– Что вы здесь устроили? – грозно спросил ярл, встав перед шведами и подняв над головой факел, вырванный попутно из чьих-то рук. – Кто зачинщик бунта?

– Дозволь говорить, ярл. – Сигурд, старший из шведов, бывших на «Морском быке», вышел вперёд. – Эти северные воры, – он ткнул обнажённым мечом в сторону норвежцев, – едва не умыкнули драккар вместе с грузом и грозили нам расправой, если станем мешать! Не поднимись шум – мы бы их не удержали.

– Олаф! – Ярл повернулся к наёмникам. – Что я приказал тебе сегодня?

– Что бы ни приказал – невелика важность! – Олаф выступил из строя, задрал бороду. – И мы не воры, ибо берём своё!

– Вы поклялись Одином! – прорычал Горм.

– Клялись вашему конунгу, что будем сражаться на его стороне за звонкую монету! – выкрикнул норвежец. – Но конунгу, а не его родне! Здесь конунга нет, сражаться нам тоже не велят! Стало быть, мы свободны от клятв!

– И вольны красть добро конунга?

– Мы не крадём, а отнимаем! – рявкнул кто-то в норвежском строю.

– А сил достанет? – угрожающе холодно спросил ярл.

Вожак наёмников заозирался по сторонам. Кольцо шведских воинов сжималось – Горм уже успел перестроить их к бою. На каждого норвежца приходилось по двадцать противников, и схватка не сулила ничего хорошего.

– Не забывай, ярл, что «Морской бык» принадлежит мне, – заговорил он. – Мне и моим людям, на нём мы пришли в Бирку, и отдать его вам уговора не было. Весь прошлый год мы верой и правдой служили конунгу шведскому, а сейчас вправе уйти.

Снова поднялся шум – наёмник говорил правду.

– Будь по-твоему, – сказал Торкель. – Забирайте свои пожитки и убирайтесь на все четыре стороны – мне не нужны такие соратники. Но товары на «Быке» наши, и ты должен их вернуть.

– А, Хель с тобой, – махнул рукой Олаф. – Разгружай корабль, ребята. Шведы держатся за своё барахло, а мы скоро сумеем добыть ещё больше.

Наёмники отложили оружие и, недовольно ворча, принялись исполнять приказ. Шведы обступили «Быка» сразу с двух сторон, принимая тюки и бочонки, и уже через четверть часа на снеккаре осталось только самое необходимое в плавании. Двое норвежцев сразу же достали приготовленную заранее боевую фигуру – искусно вырезанную из дуба хищную морду с прикреплёнными к ней бычьими рогами – и принялись устанавливать её на носу корабля.

Вскоре «Морской бык» с заметно поредевшей командой сошёл на воду и отправился вспять, по течению Невы, провожаемый гневными взглядами оставшихся викингов.

– Возьми их тролли, – тихо произнёс Торкель. – Уверен, в этих краях так оно и случится. – И, повернувшись к Горму, велел усилить дозоры.

Утром следующего дня викинги продолжили путь к устью Волхова, надолго оставив Карелию и Ингрию за кормой.

Глава 5. Земли саво

Я вот подумал, – антеро старательно тёр подошвой сапога по сырой траве. – Пройдут сотни лет, а люди, наступая в коровью лепёшку, будут считать это добрым знаком и радоваться. Им, пожалуй, уже невдомёк будет, отчего так, а знак-то простой – раз корова наследила, значит, человеческое жильё где-то рядом! Скоро встретимся с саво.

И действительно, густая стена елового бора внезапно расступилась, открыв взорам путников просторную долину. С трёх сторон её окружали лесистые холмы, с четвёртой синело, сливаясь вдалеке с ясным небом, озеро.

– Долина Савонкоти, Дом народа саво, – сказал рунопевец. – Сердце лесного края. Здесь жилища многих лесовиков, а там, у озера, их самое большое село. Прочие сёла и деревеньки, что поменьше, да хутора разбросаны по лесам к северу от Савонкоти.

– А ты говорил, у них полей нет! – вспомнил Тойво.

– Так только эта долина и есть, а больше нет, – ответил рунопевец. – А страна-то большая. Есть ещё подсеки, но совсем немного. Там, в селе у озера, живёт мой старый приятель Тиэра – у него и заночуем.

Они спустились по склону холма и зашагали к озеру, блестящему вдали. Хутора, перемежаясь пашнями и лугами, стояли всё чаще – долина Савонкоти была густо заселена, но людей путникам встретилось совсем немного, и только женщины и ребяташки.

– А где все мужчины и юноши? – удивился Тойво.

– Думаю, они собрались в священной роще или вблизи неё. В дни приближения лета саво отмечают праздник Укко. В первый день праздника в священной роще в жертву Громовержцу приносят быков, из них готовят кушанья – обычай таков, что этим занимаются только мужчины.

– Как у нас?

– Точно так же, только по времени раньше на месяц. В первый день и мяса отведать могут только мужчины, и притом в полном молчании. А назавтра к ним присоединяются жёны, девицы и дети, приходят гости из дальних мест, начинается всеобщий пир и веселье с песнями, игрищами и состязаниями. Это большая удача – застать сразу столько лесовиков в одном месте. Там можно будет поговорить о Сампо.

Вскоре показалось село. Оно мало походило на хутор Сувантолы – ни частокола, ни ворот, зато много домов – высоких, в два этажа, но чаще – приземистых и длинных, под тростниковыми крышами, почти без украшений – только на коньках и причелинах можно было видеть резных лосей и уток. У иных над входами были прибиты лосиные рога – знак охотничьей удачливости хозяина.

Чуть поодаль на невысоком холме виднелись большие дома старейшин.

Девушки и женщины с любопытством рассматривали незнакомцев, дети – маленькие, чумазые, беловолосые – оставляли игры и взбирались на изгороди, чтобы лучше видеть.

Путники остановились возле дома, который, по всему видно, был построен недавно – брёвна сруба не успели потемнеть, дверь и наличники окон белели свежеструганной древесиной.

На стук вышла молодая круглолицая женщина в простом платье и полосатом переднике. Голову хозяйки покрывал белый платок, на руках осталось тесто, на переднике – мука. Трое детей высыпали следом; самый маленький, в одной рубашонке, остановился на пороге.

– Мой, эмянтя!²⁵ – улыбнулся женщине Антеро. – Не здесь ли живёт мой друг Тиэра Осмо?

---

²⁵ Здравствуй, хозяйшка! (Финск.) Добавляю в речь героев финские слова и выражения, чтобы подчеркнуть, что карелы

– Да здесь и живёт, где ж ему быть? – отвечала хозяйка. – А вы, путники, из каких краёв будете?

– Из Карьялы мы, с берега Сувантоярви. Антеро имя моё, а юный Тойво – мой родич.

– Антеро Сувантолайнен? – Женщина подняла брови и дружески улыбнулась. – Муж много рассказывал о тебе. Я Локка Осмотар, жена Тиэры. Милости прошу, будьте нашими гостями!

– Сам-то он дома?

– Тиэра-то? На острове, где все мужчины. Завтра пойдём к ним, там и увидите. Проходите в дом, друзья! Мурри, дочка, – окликнула хозяйка старшую девочку, – собери гостям пообедать.

Поев и отдохнув в доме Тиэры, гости взялись помогать хозяйке – та вдвоём с дочерью хлопотала у печи, стряпая пироги для завтрашнего пира. Антеро, отыскав в сених колун, принялся рубить дрова, Тойво с коромыслом и двумя вёдрами отправился к озеру. Когда он вернулся, за ним уже бежала стайка ребятишек. Они толкались у калитки – каждому хотелось взглянуть на людей, пришедших издалека, мальчишки тянулись потрогать оружие и снаряжение незнакомцев, оставленное под навесом у входа в дом. Самому бойкому, так и вертевшемуся возле секиры, Антеро в шутку погрозил пальцем:

– Ты с ней поострожнее, железо – вещь злобная! Когда кователь Ильмаринен впервые закалял сталь, он собирался придать ей свойство не ранить невиновных. Но Хийси (услышав это слово, мальчик отскочил) прокрался в кузницу и плеснул в горнило змеиного яда. С тех пор синяя пасть железа кусает всех без разбору. Я к тому говорю, чтобы ты оставил секиру в покое, ещё поранишься.

Маленький саво надулся, всем своим видом показывая, что не боится, однако слов рунопевца послушался.

На другое утро жители долины направились к берегу озера Сууриyesi. Шли весело, с песнями и шутками, все в нарядных одеждах – яркие платья, разноцветные ленты и украшения в убранстве женщин, чистые, украшенные вышивкой одежды детей – Савонкоти точно расцвела всеми цветами в предвкушении скорого лета. Люди несли скатерти и посуду, короба и корзинки с праздничными кушаньями к берегу озера, где со вчерашнего дня мужчины саво ожидали своих домочадцев.

Священная роща располагалась на большом острове недалеко от берега озера. С конца весны до середины осени остров переставал быть островом – воды Сууриyesi отступали, обнажая широкую песчаную косу – настоящий мост для желающих попасть с берега в рощу. На самом острове пировали в первый день, сегодня же люди расположились на берегу Сууриyesi в виду острова – всех собравшихся роща бы не вместила.

Место для священной рощи было выбрано не случайно – легенда гласила, что много лет назад в Савонкоти приключился страшный мор среди скота. В числе прочих пал и бык, предназначенный в жертву Укко. Над лесовиками нависла угроза, что праздник, во гнев Хозяину неба, пройдёт без жертвоприношения. Чародеи и прорицатели со всей округи выбивались из сил, чтобы отвести несчастье. Когда последняя надежда уже угасала, свершилось чудо: из леса к людям вышел величественный белый олень, рослый и статный. Гордо, без боязни, прошёл он мимо изумлённых саво, затем переплыл протоку, отделявшую остров от берега, и закивал головой, словно приглашая людей следовать за ним. Зверь оказался настолько ручным, что позволил людям поймать себя.

– Воистину, это дар Укко! – говорили саво между собой. – Значит, Громовержец не останется без быка, и нашим бедам придёт конец! Слава Хозяину неба, пославшему добрый знак!

С тех пор лес, покрывавший остров, сделался для народа саво священным. В нём появилось множество карсикко, на старшем из которых красовался олений череп, увенчанный ветвистыми рогами.

Тойво во все глаза глядел на саво – ему никогда не приходилось видеть столько людей сразу. Праздники в честь Укко проходили и в Сувантоле, но там собиралось два-три хутора, здесь же было несколько сотен человек – все жители Савонкоти и её ближайших окрестностей. С виду лесовики-саво несколько отличались от карел – невысокие, но жилистые и проворные, с длинными руками и цепкими пальцами, привыкшими прежде всего к копыю, луку и лыжной палке. Белые, как лён, волосы у многих мужчин были настолько длинными, что ниспадали ниже плеч – их заплетали в косы и перехватывали на лбу ремешками. Саво держались открыто и приветливо с каждым, будь то старый товарищ или только что пришедший незнакомец, были веселы и смешливы, а говорили быстро-пребыстро, размахивая при этом руками.

Радостной была встреча Антеро с Тиэрой – широкоплечим коренастым человеком с лохматой бородой, торчащей в разные стороны. Вместе расстелили на траве скатерть, расставили угощения, а Тойво и Антеро достали из мешка берестяной туесок с мёдом, припасённый в подарок друзьям.

Перед началом пиршества все взоры обратились к священной роще, и статный пожилой мужчина в кафтане зелёного сукна – исанто Савонкоти – громко произнёс:

– Дорогие гости, прошу всех на пир Укко!

Тотчас женщины принялись раздавать гостям главное кушанье праздника – мясо жертвенных быков и приготовленную на мясном отваре кашу – её варили в тех же особых котлах, заранее доставленных в рощу. Всего этого хватило каждому из пришедших, хватило и праздничных блинов – куанала, – маленьких, круглых и золотистых, означавших собой яркое солнце будущего лета. Вдоволь было пирогов, рыбников и калиток и прочего угощения.

Начало пира, подобно вчерашнему, прошло в полном молчании, однако продолжалось оно недолго: покончив с мясом, все снова обратились к священной роще, и снова прозвучал зычный голос исанто:

– Укко, Хозяин небесный, Рауни, Земная мать! Вы всегда выращивали для нас хороший урожай, кормили свой народ и угощали нас обедом из своих запасов. Мы благодарим вас за всё и просим вырастить этим летом урожай ещё лучше и обильнее, ибо известно вам, что людей у саво прибавилось. Пока сияет солнце, пока светит месяц, да будет так!

После благодарения богам повсюду зазвучали разговоры и смех, то тут, то там запевали весёлые песни, по рукам пошли ковши и кружки с ячменным пивом и квасом.

– Вот так и живём. – Наевшийся до отвала Тиэра разлёгся на солнышке, улыбаясь в бороду. – А отчего не жить? И сами стараемся, и боги не оставляют!

– Оно и видно, дружище! – отвечал Антеро. – Живот ты отрастил, как мишка по осени!

– Это запас про чёрный день! – Саво гордо выпрямился, хлопнув себя по животу. – Усохнуть никогда не поздно, запомни! А быков этот раз, право слово, знатных привели! У большего из них от рогов до хвоста белка три дня бежала, не останавливаясь, а уж как рожищи кверху поднимались! Ей-же-ей, не вру, цеплялись за них тучки, и становилось оттого в Савонкоти пасмурно!

– Белка, говоришь, три дня бежала? – хитро прищурился Антеро. – Не верится.

– Ну не три, ладно, два, – нехотя отступал Тиэра.

– И всё равно не верится!

– До чего вы, карелы, вредный народ! Полтора, сдаюсь! Но уж никак не меньше. И последние полверсты добегала ночью.

– А рёв его руотси в своих краях слышали да за гром принимали?

– Увидишь где руотси – спроси у них! А я десять лет назад на них насмотрелся. И скажу тебе как на духу – не соскучился по ним сильно.

– Сюда бы не нагрянули.

– Не нагрянут, – спокойно ответил Тиэра. – Руотси ходят по морю, а здесь моря нет. Ни в Сууривеси, ни в любое другое озеро в Савонмаа с моря не зайти, а через леса викингам своих кораблей не протащить. Лес – наш дом, и лес – наша защита.

– А ведь я из-за руотси в путь собрался. Недавно отправился с нашими в Виипури на торг, а там купцы-руотси на пяти ладьях. И не столько торговали даже, сколько пытались разузнать про волшебную мельницу Сампо. Тогда и пришла мне мысль самому найти это чудо.

– Здесь вряд ли что о нём услышишь, – мотнул головой Тиэра. – Сюда на праздник пришли многие рунопевцы-саво, но я-то их хорошо знаю. Они все о Лемминкяйнене²⁶ поют – и старые руны о его похождениях помнят, и новые слагают. А Лемминкяйнен, сам знаешь, небось, Сампо не касался. Он всё больше за девицами ухлёстывал да за чужими жёнами, охотился да приключений искал себе на голову. А чтобы про Сампо... погоди-ка, дай вспомнить. – Тиэра поскрёб темя, с трудом вспоминая ушедшее вглубь знание, и наконец запел низким голосом:

Старый, верный Ваянямёйнен
Говорит слова такие:
«Вот куда свезём мы Сампо,
Крышку пёструю упрячем:
На туманный мыс далёкий,
На покрытый мглою остров,
Чтоб всегда там счастье было,
Чтоб оно там вечно жило.
Там ведь есть ещё местечко,
Там клочок земли остался
Невредимый и спокойный
И мечом не посещённый»²⁷.

– Значит, Сампо скрыто на острове среди моря? – спросил Антеро, внимательно выслушав песню.

– Другого не ведаю, – признался саво. – Ни я, ни кто-то ещё. Я это слышал, когда мы с тобой странствовали в чужих краях.

– Стало быть, если Сампо на острове...

– То знать о нём должны те хяме, что живут на побережье, – закончил Тиэра. – Уж им-то в своём море каждый камушек известен. Спросить бы тебе у них.

– Видно, придётся. Ты с нами пойдёшь?

– Рад бы, Антти, да не могу. Сам видишь, не один я теперь. И жена есть, и дети мал мала меньше. Сам уйду – на кого их оставлю?

– Это верно, – кивнул Антеро. – А забавно то, что я хоть и видел в своих странствиях морских хяме, а всё равно ничего о них не знаю.

– Да много ли видел? Мы тогда за день или за два прошли их селения, нигде не останавливаясь, сели в ладью и ушли морем. А хяме всё-таки не мы – разговаривать просто так не станут.

– Я вам про них спою, – поднялся двоюродный брат Тиэры, краснолицый безбородый парень. – Ну-ка, кто со мной вдвоём?

---

²⁶ Лемминкяйнен (также Ахти, Каукомьели) – один из героев «Калевалы». Молодой богатырь, отличавшийся бесшабашным и весёлым нравом, из-за которого часто попадал в беду.

²⁷ «Калевала», руна сорок вторая. Все цитаты из эпоса даны в переводе Л. П. Бельского.

– Пой один! – со смехом отвечали ему родные. – Так, как ты, про хяме никто у нас не споёт!

Саво прокашлялся и затянул:

Старый мудрый хямелайнен,
Хмурый житель побережья
На большой своей телеге
Держит путь в края лесные.
В тёмном месте заповедном
На просёлочной дороге
Посреди шумящих сосен
Видит хяме блин коровий.
Этот блин не из великих
И не то чтобы из малых —
Он до пояса ребёнку,
Он герою по колено.
Он лежит посредь тропинки,
Он дорогу закрывает,
Не пройти пешком девице
И верхом не ехать мужу.
Старый мудрый хямелайнен
Тут недолго размышляет —
Лишь до вечера он думал,
Рассуждал лишь до рассвета.
Злополучный блин коровий
Собирает он в лукошко,
Положил к себе в телегу,
Вслух промолвив:
«ПРИГ-ГО-ДИТ-СЯ-А!» —

Певец протянул слово, изображая медлительный говор хяме. Наградой ему был взрыв хохота, после которого пение продолжилось:

Минул год, другой год минул,
Вот уж третий наступает;
Старый мудрый хямелайнен
Возвращается обратно.
В том же месте заповедном
Блин коровий, чуть усохший,
Вытрясает на тропинку,
Говорит: «НЕ ПРИГ-ГО-ДИЛ-ЛО-ОСЬ!»

Последовал новый взрыв хохота. Довольный саво, закончив пение, уселся обратно.

– То всё прибаутки-шуточки, – сказал Тиэра. – Но любая шутка хоть и привирает, да правды не скрывает. Лесные хяме мало от нас отличаются, а вот морские... они странные, что ли. Работящий народ, хозяйственный, запасливый очень. А нрав у них невесёлый, замкнутый. Хяме себе на уме, а точнее – всё в себе. Молчуны они, каких поискать. Поговорить с хяме так

же, как с нашим братом, – много надобно труда. Или пива, а лучше – того и другого. Они – близкая родня народа виро²⁸, что живёт за морем к югу от них.

– Тогда понятно, откуда ветер дует. За совет спасибо: хоть знаю, куда идти дальше. А рунопевцев, может быть, стоит послушать?

– Как хочешь. Только лучше скачки посмотреть – всё веселее. Завтра на рассвете лучшие наездники саво будут состязаться за право зваться Всадником Укко. Скажу тебе – занятное зрелище! Больше такого нигде не увидишь.

– Ладно, уговорил! – улыбнулся Антеро. – Скачки – дело хорошее.

---

²⁸ Виро (виру) – предки современных эстонцев (финское название эстонцев – virolaiset).

Глава 6. Кауко Ахтинен

На другое утро народ собрался вокруг просторной ложбины с пологими склонами неподалёку от села. Она напоминала некое подобие исполинской чаши – глубокой и круглой, способной вместить небольшую деревню. Как чаша не наполнилась водой, превратившись в ещё одно озеро, оставалось загадкой даже для старожиллов Савонкоти. В ложбине не растили хлеба, а предпочитали пасти скот – со склонов стада были видны как на ладони. Здесь же в дни праздника Укко проходили состязания среди наездников саво.

Мужчины и юноши, имевшие собственных коней, скакали наперегонки по широкой ровной тропе, по краю опоясывавшей дно ложбины, а зрители располагались на склонах, откуда могли уследить за ходом скачек – люди не желали упустить ни одного мгновения долгожданного зрелища. Всадникам предстояло проскакать несколько кругов на неосёдланных конях – разрешалось разве что накрыть скакуна попоной, чтобы не испортить праздничного платья. Пришедший первым касался рукой резного столба, возле которого начинались и заканчивались скачки, – и становился победителем, Всадником Укко. Он с гордостью носил это звание целый год, до следующего праздника, и все соплеменники оказывали ему почёт и уважение, даже если Всадник Укко был совсем юным. Он также считался одним из лучших женихов в округе.

По сигналу исанто двадцать наездников сорвались с места. Топот множества копыт сразу же смешался с азартными криками зрителей – каждый старался подзадорить или ободрить своих друзей и родичей, скакавших в числе всадников. Многие успели поспорить и даже побиться об заклад друг с другом, загадывая на победителя скачек, что ещё сильнее распалило пришедших.

Низкорослые лохматые кони лесовиков смотрелись неказисто, но бежали на удивление резво, а их сила и выносливость были известны всем. Первые два круга всадники преодолели почти бок о бок, затем их ряд растянулся – четверо оказались впереди, ещё шестеро начали отставать, упорно подгоняя скакунов, а зрители кричали, свистели и подпрыгивали, чтобы лучше видеть, иные срывали с себя яркие шарфы, надетые по случаю праздника, и размахивали ими в воздухе или растягивали в стороны, поднимая над головой.

На последнем, завершающем круге скакавший позади всех наездник – молодой обнажённый по пояс парень – внезапно разогнал своего жеребца, обходя соперников одного за другим. Вот он уже посередине скачущих – плотно обхватил коня ногами, точно слившись с ним в единое целое, вот настигает передовых, вот мчится рядом с первым из них, и кажется, что серый жеребец летит, не касаясь копытами земли. Однако второй всадник не намерен был сдаваться – его конь припустил ещё быстрее; соперники с двух сторон приблизились к столбу – и последним отчаянным рывком серый скакун вынес всадника на пару шагов вперёд. Видно было, как он, проносясь мимо знака, наотмашь хлопнул по нему левой рукой – и в тот же миг народ на склонах разразился радостными криками.

Всадники один за другим останавливали коней и спешили; пришедший вторым дружески обнял победителя.

– Братья Ярвеля, – пояснил Тиэра. – Они лучшие лошатники в наших краях. Средний наконец-таки обскакал старшего! Видишь, приобрёл силы к концу-то! Я сразу заметил.

Тем временем зрители обступили всадников. Антеро увидел, как победителя стали качать на руках.

– Элакоон Урхо Ярвеля!²⁹ Да здравствует Всадник Укко! – кричали саво.

---

²⁹ Да здравствует Урхо Ярвеля! (Финск.)

Состязание завершилось; шумной толпой направились люди обратно в село – продолжать праздник.

Среди всеобщего радостного гула внимание Антеро привлёк спор двух человек. Первый из них – степенный, богато одетый, был либо зажиточным хуторянином, либо исанто небольшого селения. Его неторопливые веские слова складывались в речь, словно валуны в ограду, о которую разбивался бурный поток слов второго – порывистого громкоголосого парня. Не заметить его было невозможно – даже на фоне своих сородичей молодой лесовик смотрелся необычно. Простые белые одежды, лишённые яркого убранства, местами успели потемнеть – с начала праздника их хозяин уже немало посидел и повалялся на земле. Светлая борода, обрамлявшая круглое лицо человека неровными клочьями, не срасталась на подбородке, оставляя его безволосым. Из двух длинных кос у висков одна была помятой и растрёпанной, точно старый веник, другая же, наоборот – тугой и гладкой, с вплетённой в неё синей ленточкой – знаком верности лесной хозяйке Миеллики. Антеро понял, что перед ним метсямиес – охотник из числа тех, что живут в лесу почти безвыходно, кормясь силками да стрелами. В споре молодой горчился всё сильнее, чем заметно забавлял своего собеседника.

– Кто этот, который горланит? – спросил Антеро у Тиэры.

– Который? А, этот! – присмотрелся Тиэра. – Кауко Ахтинен, смех народа саво.

– Почему смех?

– А непутёвый. Живёт он один в лесу, охотится да рыбу ловит, иногда продаёт пушнину в Виипури. Ещё работает на поле у нашего исанто, а тот платит ему зерном – своего поля Кауко не держит. Любит он пиво и девушек, оттого многие хозяева ему ох как не рады – даже на двор не пускают. Ещё Кауко много хвастается и часто поднимает шум – всё потому, что непутёвый. И сейчас, видишь, с соседом спорит. Вот тебе, к слову, живой Лемминкяйнен, и никаких рунопевцев не надо.

– О нём тоже слагают руны?

– Не то чтобы руны, а вот в истории попадает часто, да сам про себя байки рассказывает. Взять хоть эту: прошлый год заперся Ахтинен в своей лесной лачуге, да так, что месяц без малого не было его ни видно, ни слышно. Ворожил-ворожил себе чего-то, а потом вышел к людям в Савонкоти – пьяный да счастливый, а под мышкой принёс крестовый лук собственной работы.

– Какой-какой?

– Крестовый. Особенный. Сам лук короткий и тугой необыкновенно, да закреплён на ложе с желобком для стрелы. Ложе в плечо упираешь, а какая-то хитрая штука на конце удерживает лук натянутым, пока целишься. Тетива кручёная, чуть не в палец толщиной, а стрелы короткие, тяжёлые и для простого лука не годные.

Так вот, принёс Кауко эту игрушку людям и давай нахваливать – мол, бьёт она далеко да лося матёрого за сто шагов сваливает. Только наши-то Ахтинена знают и словам его шибко не поверили; тут и взялся охотник их делом доказывать – лук в охапку и в лес бегом.

Удачи ему в тот раз не было. То ли Тапио пьяных не любит, то ли ещё чего, а только нет дичи ни следа, сколь ни хвастайся новым снаряжением. Досадно, а что делать – темнеет уже в лесу, хоть порожняком, а домой возвращаться надо. И тут встретились ему мальчишки, которым в силки попался заяц, как сказал сам Кауко, здоровый, словно лайка. Тут он долго не думал – купил зайца у мальчишек и решил выдать его за первую добычу своего оружия.

Но вот незадача. – Дальше Тиэра говорил, с трудом сдерживая смех. – Зайца-то Кауко попытался вести за собой! Посадил на свой собственный ремень, точно собаку на поводок, а заяц упёрся и идти нипочём не хочет! Правильно, он же заяц, а не собака! Промучался охотник с упрямой животинкой чуть не до полуночи, осерчал совсем и решил наконец её пристрелить. Привязал поводок-ремень к кустам, зарядил самострел, прицелился, нажал спуск, – ох,

не могу... – Отсмеявшись, Тиэра продолжил: – Выстрел получился меткий – стрела перебила поводок аж с тридцати шагов! Заяц обрадовался и в лес умчал, а Кауко без ремня остался.

– Вы-то как про это узнали? – спросил Антеро.

– Так он же и рассказал. В смысле Кауко, а не заяц. Началось с того, что ремня нет, а распоясанным на люди выйти неприлично. Вот этот горе-охотник, чтобы чего не вышло, подпоясая тетивой самострела, да в таком виде и прошёлся по деревне, на глазах всего честного люда!

Так оно и было. Над Кауко потом долго смеялись, сам он дулся и ворчал на темноту леса, немилость Тапио и ещё Хийси знает на что, однако хвастаться не переставал. В его устах история обрастала подробностями, заяц всё увеличивался в размерах и уже грозил обернуться медведем, расстояние выстрела всё росло и росло. Опальный самострел больше на охоту не отправлялся, однако висел дома на почётном месте и гордо показывался гостям. Кауко оставался единственным, кто серьёзно относился к этой штуке и искренне верил в её полезность.

Между тем вокруг спорщиков уже столпились любопытные.

– Неправду говоришь ты, Кирму! – шумел охотник. – Я же на всадника поставил, а вторым-то пришёл конь!

– По-твоему, всаднику следовало без коня взапуски бежать? С верховыми наперегонки?

– Нет, но я ставил на всадника!

– Верно, на всадника. Всадник не выиграл. А коли не выиграл – то и ты проспорил, и причитается с тебя.

– Так ведь конь! Всадник-то при чём?

– А притом, что всадник без коня – не всадник! Вот ты сам без коня – не всадник!

– А что, если всадник? – заносчиво вскинул голову Кауко.

– У тебя же коня нет! На чём поскачешь? На зайце, что ли, которого ты не дострелил? Он уж, наверное, с лося ростом вымахал, глядишь, увезёт тебя на спине!

– Лемпо³⁰ с ним, с зайцем! – Упоминание злополучной охоты уязвило лесовика не на шутку. – Конём моим будет бревно, уздечкой – шест, а дорогой пусть послужит Хурттийоки! И бери мой проигрыш вдвойне, если не домчусь так до самого Сууриyesi!

– Чего удумал! Вот врать-то! – со смехом закричали из толпы.

– С ума сошёл! – проворчал Тиэра.

– Почему? – не понял Антеро. – Разве ваши парни не забавляются, плавая с шестом на брёвнах?

---

³⁰ Лемпо – одно из имён лешего (не путать с Хозяином леса Тапио). Зачастую – бранное слово вроде русского «чёрт».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.